

1

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Мир особого детства и юности

Острова, где живут люди с инвалидностью,
разбросаны по огромному миру их здоровых собратьев.

Между ними уже выстроено немало мостов –
и конечно, среди них – МОСТЫ-КНИГИ.

Мы предлагаем вашему вниманию
отрывки из этих книг, аннотации
и некоторые интересные рассуждения.

Смотрите также рекомендательный указатель литературы

«Книги, помогающие жить»

Центральной городской детской библиотеки им. А. П. Гайдара:

<http://www.gaidarovka.ru/>

Все материалы из интернета
даны со ссылками на соответствующие сайты.

© Составитель А. В. Годинер, godinera@mail.ru

Центр «Нарния», МОСКВА, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

1. Художественные произведения, где среди героев есть люди с инвалидностью, тяжелой болезнью и особыми потребностями – СТР. 3

 Детство – стр. 3

 Детство-отрочество – стр. 5

 Отрочество – стр. 12

 Отрочество-юность – стр. 18

 Юность – стр. 23

 Про книги об «особых» детях – стр. 26

2. Книги, статьи, публикации о роли и месте в мире маленького и взрослого человека с инвалидностью, тяжелой болезнью и особыми потребностями, написанные самими этими людьми, их родителями, педагогами, философами, различными специалистами – СТР. 28

3. Творческий опыт работы с «особыми» детьми. Опыт работы с любыми детьми, применимый для детей с инвалидностью – СТР. 50

1. Художественные произведения, где среди героев есть люди с инвалидностью, тяжелой болезнью и особыми потребностями

ДЕТСТВО

АНДЕРСЕН Х. К. Ангел. Любое издание

«— В этой узкой улице, в низком подвале, жил бедный больной мальчик. С самых ранних лет он вечно лежал в постели; когда же чувствовал себя хорошо, то проходил на костылях по своей каморке раза два взад и вперед, вот и все. Раз сын соседа принес мальчику и полевых цветов, между ними был один с корнем; мальчик посадил его в цветочный горшок и поставил на окно близ своей кровати. Мальчик поливал его, ухаживал за ним и заботился о том, чтобы его не миновал ни один луч, который только пробирался в каморку. Ребенок жил и дышал своим любимцем, ведь тот цвел, благоухал и хорошел для него одного. К цветку повернулся мальчик даже в ту последнюю минуту, когда его отзывал к себе Господь Бог...

— Откуда ты знаешь все это? - спросило дитя.

— Знаю! - отвечал Ангел. — Ведь я сам был тем бедным калекою мальчиком, что ходил на костылях!»

ВЭНБЛАД М. Птенчик Короткие Крылышки: Сказка / Матс Вэнблад; Пер. со швед. Е. Ермалинской; Худож. П. Густавссон. — М.: Текст, 2001. — 30 с.: ил.

«Ранним весенним утром в птичьем гнезде на высокой липе вылупились четверо птенцов. И только пятое яйцо вело себя как-то странно.

— Так, — сказала Мама-птица и подумала, что из пятого яйца просто никто не вылупится».

Но птенчик все же вылупился, только оказался не таким, как все — с короткими крылышками. Значит, не мог летать. К кому только не отводила его мама — от врачей до изобретателей — никто не помог. Вот и пришлось Птенчику остаться зимовать в чужом сарае с курами, где его чуть не убил фермер — за то, что яиц не нес. Пришлось убежать на холод, и совсем бы все плохо кончилось — но появился друг — Бельчонок и позвал на зиму в свое дупло, а по весне Птенчик научился перелетать с ветки на ветку и так ловить мошек, потом нашлось пустое дупло, где можно было жить... Мужество жить, самому делать все возможное, чтобы жить, и помощь друга, ставшая опорой в трудную минуту помогают Птенчику найти себя и свое место в мире.

КИНГ-СМИТ Д. Шпунтик Собачья Лапа // В сб. Кинг-Смит Д. Всё о... Шпунтик Собачья лапа. Поросенок Бейб. Туз Треф. Мыши Мартина. Школьная мышь. Золотой гусенок. Гарри и попугай. Ежик Макс: Повести / Дик Кинг-Смит; Пер. с англ. Н. Рахмановой, М. Арсеньевой, И. Сендерихиной, В. Полищук, Ю. Скоробогатовой; Худож. И. Баранов, И. Шибанов, Е. Шипицина. — Спб.: Азбука-классика, 2007. — 592 с.: ил.

Это остроумная и мудрая сказка об особенном поросенке. Да, бывает и такое – у почтенных мамаш пятнистой породы рождаются хилые недомерки, да еще и с «собачьими лапами» вместо честных свинячьих передних копытец... Там, где живет наш поросенок, их кличут Шпунтиками, да что толку – жизнь их очень коротка, не больше пары дней – ни к чему фермерам «поросячий брак». Только Шпунтик сумел убежать от дубинки свинаря и вернуться через огромное поле в свинарник к мамаше – тогда его в награду и жить оставили. Вырос он веселым, любознательным и компанейским существом, подружился с уткой, научился плавать (вот и «собачьи лапы»годились), а когда пришло Большое Летнее Наводнение Шпунтик с уткой Фелисити спасли жизнь тому самому свинарю...

КРОТОВ В. Г. Червячок Игнатий и его мечты: Сказки / Виктор Гаврилович Кротов; Худож. А.Власова; М.: Центр "Нарния", 2007. – 160 с.: ил. // «Местный волшебник» (о мотыльке Мике с больным крылышком).

«Мотыльк Мика забился в густую траву, где его никому не было видно, и плакал. Не то чтобы ревел во весь голос, но всхлипывал очень горестно.

Червячок Игнатий знал, что мотыльку есть из-за чего переживать. Что-то случилось у Мики с левым крылышком. Махать им становилось всё труднее, врачи разводили лапками и не знали, что посоветовать. Теперь вот уже совсем не получалось летать.

Как его утешить? Может, от утешений ему только хуже будет? Но оставить его горевать в одиночестве червячок Игнатий не мог.

– Когда-то я мечтал быть волшебником, – сказал он задумчиво, даже не обращаясь к Мике, просто сам себе. – Если кому-то плохо, произнесёшь особое заклинание, как раз для этого случая, – и всё станет хорошо.

– Ага, – проговорил Мика дрожащим голосом, но уже без всхлипов, – мечтал, мечтал, да не думчался.

– А потом я понемножку понял одну удивительную вещь, – продолжал червячок Игнатий. – Дело не просто в том, ЧТО с тобой случилось, а в том, ДЛЯ ЧЕГО. Если до этого додуматься, получается лучше всякого заклинания. Например, что ты скажешь насчёт того, чтобы стать волшебником?

– Как это? – удивился мотыльк.

– О, вот это деловой разговор, – обрадовался червячок. – Давай всё подробно обсудим.

Они разговорились, и беседа затянулась надолго...».

А здесь можно прочитать и про самого червячка Игнатия:

Нина Колоскова, Мария Московская. Экологическое кредо червячка Игнатия.

<http://lib.1september.ru/2004/16/12.htm>

Нина Колоскова. Новая встреча с червячком Игнатием.

<http://lib.1september.ru/2005/15/15.htm>

МАМИН-СИБИРЯК Д. Н. Серая Шейка. Любое издание

«Селезень любил серьезные рассуждения, причем оказывалось как-то так, что именно он, Селезень, всегда прав, всегда умен и всегда лучше всех. Утка давно к этому привыкла, а сейчас волновалась по совершенно особенному случаю.

- Какой ты отец? - накинулась она на мужа. - Отцы заботятся о детях, а тебе - хоть трава не расти!..

- Ты это о Серой Шейке говоришь? Что же я могу поделать, если она не может летать? Я не виноват...

Серой Шейкой они называли свою калеку-дочь, у которой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утенка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила утенка; но одно крылышко оказалось сломанным.

- Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну, - повторяла Утка со слезами. - Все улетят, а она останется одна-одинешенька. Да, совсем одна... Мы улетим на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мерзнуть... Ведь она наша дочь, и как я ее люблю, мою Серую Шейку! Знаешь, старик, останусь-ка я с ней зимовать здесь вместе...

- А другие дети?

- Те здоровы, обойдутся и без меня.

Селезень всегда старался замять разговор, когда речь заходила о Серой Шейке. Конечно, он тоже любил ее, но зачем же напрасно тревожить себя? Ну, останется, ну, замерзнет, - жаль, конечно, а все-таки ничего не поделаешь. Наконец, нужно подумать и о других детях. Жена вечно волнуется, а нужно смотреть на вещи серьезно. Селезень про себя жалел жену, но не понимал в полной мере ее материнского горя. Уж лучше было бы, если бы тогда Лиса совсем съела Серую Шейку, - ведь все равно она должна погибнуть зимой».

ОКЕСОН К.Ф. Гражданин, гражданка и маленькая обезьянка Книжка-картинка / Ким Фулс Окесон; Пер. с дат. М. Людковской; Худож. Э. Эриксон. - М.: Открытый мир, 2008. - 14 с.: ил. - (Из книг Оранжевой коровы).

Это удивительная история о том, как в самой обычной семье, у самых обычных мужчины и женщины родилась маленькая обезьянка, о том, как они страдали и таились, как старались скрыть ее ото всех. И вот однажды пошли они в зоопарк и увидели на руках у обезьяны самого обычного человеческого ребенка...: Вокруг никого не было и казалось, что подменить одного мальчика другим проще простого. Да, так подумали мужчина и женщина, но сделать так не смогли, как ни странно, не смогли поменять, пусть обезьянку, но свою собственную на замечательного младенца. Как-то они вдруг сразу поняли, что это невозможно, что нужен им свой детеныш, каким бы он ни был. И с той поры они перестали стесняться своей маленькой обезьянки и уже не скрывали ее от людей.

ДЕТСТВО - ОТРОЧЕСТВО

БЁРНЕТТ Ф. Таинственный сад: Повесть / Фрэнсис Бёрнетт; Пер. с англ. А. Иванова, А. Устиновой; Худож. А. Власова. - Одесса: Два Слона - Вариант, 1993. - 320 с.: ил. - (В кругу семьи).

«... - А взялась ты откуда? - спросил мальчик.

- Из своей комнаты, - тут же начала объяснять Мэри. - Ветер сегодня совсем не давал мне спать. А потом я услышала плач и пошла посмотреть, что случилось. Ты почему плакал, Колин?

- Я тоже не мог заснуть, и голова разболелась, - пожаловался тот. - Ну-ка повтори еще раз твое имя.

- Мэри Леннокс. Неужели тебе никто не рассказывал, что я теперь тут живу?

- Нет, - покачал головой Колин. - Наверное, они не решились.

- Как так? - не поняла Мэри.

- Они, наверное, боялись. Я не люблю, чтобы незнакомые на меня глядели, а потом обсуждали.

- Но почему ты не любишь? - совсем запуталась Мэри.

- Потому что мне вечно плохо, и я вечно валяюсь в постели, - угрюмо изрек Колин. - Мой папа тоже считает, что нечего на меня глазеть. И слугам он запретил обо мне разговаривать. Мы с папой боимся, как бы я тоже не вырос горбатым, если, конечно, выживу. Но, скорее всего, я вообще не выживу.

- Ну и дом! - воскликнула Мэри. - Ничего тут понять не могу! Все тут какое-то тайное. И комнаты заперты. И сады. Выходит, и тебя тоже заперли, а?

- Нет, - отвечал мальчик. - Я сам не хочу никуда выходить. Это меня утомляет.

- А папа тебя приходит сюда навещать?

- Иногда приходит. Чаще всего, когда я сплю. Ему не очень-то со мной нравится.

- Почему? - недоуменно поглядела на Колина Мэри.

- Моя мама умерла, когда я родился, - хмуро проговорил тот. - Папа мне никогда не говорил ничего. Но я все равно знаю, что он меня из-за этого почти ненавидит.

- И сад он тоже ненавидит, потому что она умерла, - тихо сказала Мэри.

- Какой еще сад? - встрепенулся мальчик.

- Да просто сад, - смутилась Мэри. - Твоей маме он очень нравился. А ты что, тут все время живешь? - поспешила она перевести разговор.

- Почти все время, - подтвердил Колин. - Меня несколько раз возили на море, но я тогда носил такую железную штуку, чтоб горб на спине не рос, и на меня из-за этого смотрели. А потом к нам приехал знаменитый доктор из Лондона и сказал, что эти железные штуки - глупости. Он прописал мне побольше бывать на свежем воздухе. Но я свежий воздух терпеть не могу и не буду никогда на него выходить.....

Мэри снова подумала с удивлением, как спокойно говорит он о скорой смерти.

- Ты что же, правда считаешь, что не доживешь до того, как вырастешь? - спросила она.

- Думаю, не доживу, - отозвался он с тем же равнодушием, что и прежде. - С тех пор как я родился, взрослые, по-моему, только и твердят, как я болен и как мало мне жить осталось, - невесело усмехнулся Колин. - Сперва они думали, что я еще слишком мал и не понимаю, и говорили все прямо при мне. Теперь они от меня скрывают, но я-то чувствую, что у них на уме. Меня лечит папин кузен. Он очень бедный. Если я умру, ему после папы достанется весь Мисселтуэйт. А если я выживу? - выразительно взглянул он на девочку. - Какой кузену от этого толк?

- Не знаю, - пожала плечами Мэри. - А самому-то тебе разве хочется умереть?

- Нет, - буркнул мальчик. - Но лучше уже это бы поскорее случилось, чем все время лежать и думать. Когда слишком много представляешь, что скоро тебя не будет, очень хочется плакать. Вот я и не выдерживаю иногда, - честно признался он.

БОЛДУИН Э. Н. Ещё немного времени: Повесть / Энн Норрис Болдуин; Пер. с англ. И. Бернштейн; Послесл. Н. Толстых. - М.:ОГИ, 2003. - 116 с. - (Мы вместе).

*С сайта Центральной городской библиотеки для детей и юношества
г. Новоуральска*

<http://www.child-library.ru/teenager-moda-OGI.html>

Эта книга — история мальчика по имени Мэтт, у которого болезнь Дауна. Рассказ ведется от лица его десятилетней сестры Сары. В семье три девочки и один мальчик здоровые дети, только у Мэтта болезнь, которую, к сожалению, не умеют пока лечить. Очень искренне, ничего не скрывая,

рассказывает Сара о жизни своей семьи, в которой появился Мэтт, о своих чувствах и переживаниях. Мэтт внес в жизнь семьи много трудных проблем. Он нуждается в постоянной заботе, занимая большую часть времени у мамы да и у самой Сары. Из-за него девочка стесняется привести в дом свою подругу. Мэтт — непредсказуемый ребенок: он может устроить самый настоящий скандал на улице, вопить и размахивать руками и ногами, плакать и кричать, может порвать Сарин рисунок, разбросать книги со стола, не понимая, что это нельзя делать. Что можно спросить с мальчика, для которого самостоятельно надеть футболку, залезть на стул — большая победа. Сара чувствует, что в ее душе растет злоба на брата и обида на родителей. Но в то же время девочка постоянно испытывает душевную боль, особенно когда большие ребята издеваются над Мэттом, растягивая пальцами рты, копируя его улыбку. «Разве можно потешаться над тем, что от нас не зависит. Почему люди такие жестокие? У Мэтта тоже есть чувства, как и у всякого. Он-то никого не обижает», — думает она. Сара — добрая и сильная девочка. Она старается видеть не только серое, грустное в жизни их семьи, но и радостное. Да с Мэттом очень трудно, но в первую очередь хуже всех самом Мэтту и чтобы ему было лучше, его нужно просто любить, ведь у него ничего нет больше. Благодаря Мэтту, Сара и все дети в их семье взрослеют быстрее своих сверстников. А главное, они понимают, что настоящая семья — это когда все любят друг друга за то, что он есть, помогают и поддерживают в любой ситуации. И тогда любая проблема будет легче решаться.

ВЕСТЛИ А.-К. Каос и Бьернар; Олауг и Пончик: Повести / Анне-Катрине Вестли; Пер. с норв. Л. Горлиной; Худож. Ю. Вестли. — М.: Дет. лит., 1988. — 237 с.: ил.

*Из рекомендательного указателя литературы «Книги, помогающие жить»
Центральной городской детской библиотеки г. Москвы им. А. П. Гайдара:*

http://www.gaidarovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=253&Itemid=284

Герои книг Анне Вестли добры и внимательны друг к другу и всегда готовы прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. Дети и родители в них всегда понимают друг друга и, читая эти книги, родители неназойливо учатся быть хорошими папами и мамами.

У маленького Каоса есть друг Бьернар, который с детства прикован к инвалидной коляске: врожденное ущемление спинного мозга. Но это обстоятельство несколько не влияет на отношения ребят. С помощью их неумной фантазии инвалидная коляска Бьернара превращается то в автомобиль или автобус, то в пароход или подводную лодку, а то и вовсе в космический корабль. И начинаются увлекательные путешествия. Со временем к их компании присоединяются маленький Пончик и подруга Олауг.

ГУДХАРТ П. Джинни и её дракончик: Повесть / Пиппа Гудхарт; Пер. с англ. О. Белозёрова. — М.: ОГИ, 2002. — 120 с.

С сайта Центральной публичной библиотеки г. Новоуральска
<http://www.library.novouralsk.ru/mercy-litglobus-wetogether.html>

Сложнее всего говорить о книге, где герои с болезнью, которую не умеют лечить — синдром Дауна. Такой человек не достигнет больших успехов в жизни. Для него закрыты тысячи путей. Своеобразная внешность, особенный ум и необыкновенная душа. Книга Пиппы Гудхарт «Джинни и её дракончик» — повесть-сказка. В ней рассказ ведется от лица сестры болеющего брата и в семье рано или поздно встает вопрос об отправке ребенка «на воспитание» в специнтернат. Ценность этой книги в том, что в ней описаны неоднозначность каждой ситуации, которые, естественно,

оцениваются по-разному. Где победа и где поражение? Все зависит от смысла, который мы вкладываем в то или иное событие. А это напрямую зависит от нашей готовности стать другими - лучше, добрее, выше, человечнее. Существование с таким человеком имеет ряд трудностей, но и дает невероятный импульс к развитию. Эти люди настолько полны любви, что готовы излить ее на каждого, поэтому волей-неволей рядом живущие становятся мудрее, терпимее, совершеннее.

ДЖЕМИСОН С. Леди Джен: Повесть / Сесилия Джемисон; Пер. с англ. Е. Сысоевой; Совр. ред. Н. Трауберг; Худож. В. Фролова. – Одесса: Два Слона-Вариант, 1992. – 256 с.: ил. – (В кругу семьи).

«На улице Добрых детей все знали Пепси и ее мать. Пепси была убогая от рождения, а мать ее Мадлон или *Вкусная миндалинка*, как ее прозвали дети, считалась среди соседней личностью очень почтенной. <...> Мадлон торговала разными сладостями и с утра отправлялась в город с большой корзиной, а к вечеру у нее все было распродано. Во время ее отсутствия ее единственный ребенок, сокровище ее жизни – Пепси оставалась дома и обыкновенно сидела у окна в нарочно устроенном для нее кресле на колесах. Голова у Пепси была непомерно велика и точно сжата приподнятыми кверху уродливыми плечами. Начиная от пояса, туловище ее прикрывалось доскою стола, надвинутого ей почти на колени. <...> Сидя у окна, пепси целыми днями проворно шелкала орехи стальными щипчиками. <...> Убогонькая имела всегда такой счастливый, веселый и приветливый вид, что ее все любили, а соседские дети просто обожали. <...> Пепси не испытывала физических страданий, но все-таки ей было очень больно, если кресло неосторожно двигали или к ней самой грубо прикасались. Несмотря на то, что девочке минуло двенадцать лет, мать смотрела на нее, как на малютку. Каждое утро Мадлон сама умывала, обувала и одевала дочь, нежно и осторожно брала ее на руки и ловко усаживала в кресло. <...> Ради того, чтобы обожаемый ребенок не только ни в чем не нуждался, но имел все в избытке, Мадлон ги щадила своих сил. ... Ей было невыносимо больно, если бы у ее Пепси был хоть в чем-то недостаток. Раз как-то Пепси сказала матери, что ей очень бы хотелось пожить в деревне. <...> Часто, истомленная пылью и духотою, убогонькая закрывала глаза и представляла себе долину с извиною по ней речкой. ... Это была единственная мечта девочки, но мать, к великому своему горю, никак не могла ее осуществить».

ДиКАМИЛЛО К. Приключения мышонка Деспери, а точнее – Сказка о мышонке, принцессе, тарелке супа и катушке с нитками / Кейт ДиКамилло; Пер. с англ. О. Варшавер; Худож. И. Олейников. – М.: Махаон, 2008. – 208 с.

Мышонок Деспери родился в замке, где его предки жили спокон веков. Но родился он не таким, как обычные мышата – у него были слишком большие уши, он не вовремя открыл глаза и потому не мог выжить, и конечно, он был заморышем. Братья и сестры держались от него подальше, родители опустили лапы, но Деспери выжил и вырос. Его сердечко умело любить и ему достало отваги спуститься в мрачное подземелье замка, куда коварные крысы хитростью заманили принцессу. И он спас ее, вопреки своим слабым силам и страхам и подвиг его примирил всех обитателей замка и подземелья.

ЕРМОЛАЕВ Ю. И. Дом отважных трусишек: Повесть / Рис. Д. Боровского. - М.: Детская литература, 1975.

Из сетевой библиотеки Максима Мошкова

http://lib.ru/TALES/ERMOLAEW J/dom_trusishek.txt

Далеко в Зауралье живет и работает замечательный доктор Гавриил Абрамович Илизаров. Точно сказочный волшебник, возвращает он к жизни, казалось бы, неизлечимо больных людей, делает их здоровыми и счастливыми. Он и его помощники - врачи, медсестры, санитарки и, конечно, дети, которых они лечат, и дали писателю Юрию Ермолаеву материал для этой книги.

Повесть "Дом отважных трусишек" (так называет в книге главный доктор детское отделение клиники) не документальна. В ней не рассказывается о том, какие новые методы лечения нашел и успешно применяет зауральский доктор. Писатель прежде всего стремится показать маленьких пациентов, передать их огромное желание преодолеть свой недуг и стать здоровыми. Вместе с Надей Ермаковой и ее подружками по палате Варей Осиповой, Джаннат Шамхаловой и маленькой Олечкой ты, читатель, пройдешь через многие испытания и узнаешь радость победы, которую одержала героиня книги над собой. И эта радость была для нее самой большой на свете.

ЛИНДГРЕН А. Нет в лесу никаких разбойников: Сказки / Астрид Линдгрэн; Пер. со шведск. И. Новицкой; Худож. И. Викланд, И. Ванг-Нюмен. - М.: Журн. «Семья и школа», 1995. - 272 с.: ил. - (Детская библиотека «Семьи и школы» вып. 4.) // *«Кое-какая жизньность для Каля-паралитика»*. (В других переводах «Что-нибудь живое для Каля-Колченожки»).

Каля уже шестнадцать лет, но он не может ходить и все время лежит один в своей комнате. «Когда он был маленький, он сильно заболел, а после у него отнялись ноги». Чтобы ему не было скучно, две маленькие девочки решили подарить ему на Рождество «что-нибудь живое - только что родившегося котенка».

ЛИНДО Э. Манолито-очкарик: Повесть / Эльвира Линдо; Пер. с исп. Н. Морозовой; Худож. Э. Урберуага. - М.: Самокат, 2006. - 160 с.: ил. - (Лучшая новая книжка)

Это честное и ироничное повествование о повседневности, о семейной и школьной жизни, увиденной и осмысленной современным, до болезненности болтливым, гиперактивным ребенком в толстенных очках, в чьем сознании телевизионные клише переплетаются с наблюдениями за реальным миром, плодами домашнего и школьного воспитания и собственной жизненной философией. Манолито олицетворяет собой непростого ребенка нашего времени, узнаваемого и сверстниками, и их родителями - независимо от того, в какой стране они живут.

ПОРТЕР Э. Поллианна: Повесть / Элинор Портер; Пер. с англ. А. Иванова, А. Устиновой; Худож. А. Власова. - М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2002. - 224 с.: ил. - (Маленькие женщины). - и другие издания в переводе А. Иванова и А. Устиновой, или в переводе М. Батищевой.

Эта книга о жизни обычной девочки (сироты, которую из "чувства долга" взяла к себе суровая тетка), умевшей видеть во всем лучшую сторону и жить необычной "игрой в радость" - эта игра, придуманная ее отцом-пастором в трудную минуту жизни, перевернула жизнь всего городка и открыла сердца многих людей навстречу простым евангельским словам: "Всегда радуйтесь".

Из сетевой библиотеки Максима Мошкова

<http://www.lib.ru/TALES/PORTER/pollianna.txt>

«— Да, да, милая, я тоже о нем это слышала. Но иногда даже самые лучшие врачи ошибаются. Ты просто не думай сейчас об этом.

— Но как же я могу об этом не думать? — всплеснула руками Поллианна.

— Теперь это вообще единственное, о чем мне останется думать. — Она всхлипнула. — Ведь это значит, что я больше никогда не пойду в школу, не пойду в гости к мистеру Пендлгону, и навещать миссис Сноу не пойду. И вообще никуда не пойду.

Она отвернулась к стене и затряслась от плача. Так продолжалось с минуту. Потом, вдруг перестав плакать, она с еще большим ужасом поглядела на сиделку.

— Мисс Хант! — с отчаянием воскликнула она. — Но ведь я и радоваться теперь Мисс Хант относилась к тому немногочисленному меньшинству, которое ничего не знало об игре. Зато, будучи профессиональной сиделкой, с прекрасно знала другое: нужно во что бы то ни стало успокоить больную. Вот почему, несмотря на растерянность, она потянулась к столику с лекарством и достала успокоительное.

— Ну, ну, милая, давай-ка примем с тобой вот это, — принялась ласково уговаривать она. — Потом мы с тобой отдохнем, а там и посмотрим; что нам делать. Кто знает, может быть, все еще окажется совсем не так скверно. Всякое бывает, милая.

Поллианна послушно приняла лекарство, и запила водой из стакана, который вместе с порошком подала мисс Хант.

— Ну, да, теперь я вспомнила, — согласилась девочка. — Это, наверное, и имел в виду мой папа. Он часто говорил, что нет такой беды, которая хуже всех. Всегда можно найти что-нибудь посквернее. Правда, папе ни разу не говорили, что он никогда не сможет ходить. Просто не представляю, что он смог бы найти хуже этого?

Мисс Хант промолчала.

.....
Дорогие тетя Полли и дядя Том!

Я могу, я могу, я могу ходить!

Я сегодня прошла от кровати до окна. Это целых шесть шагов! Как это хорошо — снова быть на ногах!

Все доктора стояли вокруг меня и улыбались, а все сестры стояли около них и плакали.

А леди из соседней палаты, она первая начала ходить еще на прошлой неделе, заглянула ко мне в дверь. А еще одна леди, которая надеется пойти на своих ногах на следующей неделе, тоже была около меня. Она лежала на кровати моей сиделки, смотрела, как я иду, и хлопала в ладоши. И даже черная Тилли, она у нас здесь моет полы, заглянула в окно, и то плакала, то называла меня "милочкой".

Я все-таки не понимаю, почему они все плакали? Самой мне совсем не хотелось плакать. Наоборот: мне хотелось петь и кричать от радости. Ой, неужели я снова могу ходить? Какая ерунда по сравнению с этим, что я провела тут целых десять месяцев.

.....
Тут они говорят, что я уже скоро вернусь домой. Если бы я только могла, я бы всю дорогу до дома прошла пешком. Я правда очень хочу так сделать. Ведь теперь я поняла, что ничего нет лучше, чем ходить пешком. Я так рада! Я так всему рада! Я теперь даже рада, что все это время не могла ходить, потому что, если бы я все время могла ходить, я никогда не поняла бы, как рада, что у меня снова здоровые ноги. Завтра я собираюсь пройти уже восемь шагов».

РИНА ЭЛЬФ. Синий дождь // Сб. «Заветная мечта '07. Избранное». – М.: Заветная мечта, 2008. – 272 с. – *Распространяется только по библиотекам.*

Из рекомендательного указателя литературы «Книги, помогающие жить» Центральной городской детской библиотеки г. Москвы им. А. П. Гайдара:

http://www.gaidarovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=253&Itemid=284

Эта небольшая психологическая повесть – о хрупкости телесного и душевного мира маленького человека. И о том, как легко этот мир разрушить. А еще – о дружбе, которая может сотворить чудо...

Маленькая Саша собирается ехать в интернат для немых и глухонемых детей. Саша не может говорить: «Когда-то давно умела немножко, как все маленькие дети. А потом, когда ей не было еще трех лет, ее очень испугал пьяный тракторист, переехавший на ее глазах перебегавшую через дорогу собаку, и с тех пор Саша молчала».

Она стала «...«непонятной девочкой» даже для близких людей, а уж малознакомые старались совсем не общаться, вроде как даже побаивались ее немоты. Саша тоже сторонилась и детей, и взрослых». И живет в своем особом мире. Но у девочки есть друг «Самый лучший друг на свете»: сосед Саша (правда, совсем взрослый – мамин одноклассник). С его помощью девочка не только познает окружающий мир, но и вновь обретает возможность говорить.

Повесть Рины Эльф «Синий дождь» стала лауреатом Малой премии второго сезона (2006-2007) Национальной детской премии «Заветная мечта».

СЕГИОР, ГР. ДЕ. Бесенок, или Славный малый. – Пермь: РИЦ “Здравствуй”, 1996.

Можно ли научиться таким непростым вещам, как терпение и сострадание? Как сохранить любовь, когда рядом жестокость и лицемерие?.. На эти и многие другие нравственные вопросы пытается ответить история жизни и любви милой слепой девочки и озорного мальчишки-сироты.

УАЙТ Э. Б. Голос Лебедя-трубача. // Американская литературная сказка XX века: Сб. / Пер. с англ. М. Липман, М. Юрченко и др; Сост., вступ. ст. С. Белова. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – 528 с.: ил. – (Библиотека литературы США).

Эта повесть, ее даже и сказкой называть трудно из-за сугубо реалистического описания событий глазами подростка – о безголосом лебедь-трубаче – таким он родился. И о том, как упорным трудом он научился подавать свой голос с помощью обычной человеческой дудки. О его мужестве и терпении, и нелегкой жизни, принесшей ему и радость, и любовь.

УАЙТ Э. Б. Стюарт Литтл, Паутинка Шарлотты: Повести-сказки / Элвин Брукс Уайт; Пер. с англ. А. Ставиской, Н. Рахмановой, Ю. Шор; Худож. Г. Уильямс. – СПб.: Азбука, 2000. – 252 с.: ил. – (Волшебная страна). *Также любое другое издание.*

Когда Джордж попросил своих родителей усыновить ему маленького братишку, чета Литтл восприняла его просьбу слишком буквально. И в один прекрасный день в их большом доме появился... крошечный мышонок Стюарт, который одет в модный костюмчик и умеет разговаривать. С этого момента начинаются непредсказуемые, веселые, а иногда и опасные приключения Стюарта Литтла. За мальшом охотятся все коты в округе, его похищают мошенники, и чтобы вернуться

домой, новому члену семьи придется стать настоящим героем, а как же иначе он смог бы отправиться в неведомое путешествие? Забавные происшествия и приключения Стюарта Литтла описаны автором с неподражаемым юмором. С героями книги читатели наверняка знакомы по фильмам и спектаклям, поставленным по этой смешной и доброй истории.

ОТРОЧЕСТВО

АМИЧИС Э. ДЕ. Сердце: Записки школьника / Эдмондо Де Амичис; Пер. с итал. В. Давиденковой; Худож В. Фиросова. – М.: Камея, 1993. – 271 с. – *Слепые дети, Глухонемая.*

«... смотри с уважением на детей, которые, пара за парой, выходят из разных институтов: слепых, глухонемых, калек, сирот, брошенных детей. Помни, что это перед тобой проходят горе и милосердие человечества.

– Правда ли, синьор учитель, что вы учили слепых?

– Да, в течение многих лет, – ответил тот, и тогда Деросси негромко прибавил:

– Расскажите нам о них что-нибудь.

– Ах, мальчики, подумайте о том, что некоторые из них потеряли зрение в течение нескольких дней, другие – после долгих лет болезни и многих страшных хирургических операций, а многие так и родились, во мраке ночи, которая для них никогда не засияет зарей, вошли в мир, как в огромное подземелье, не знают даже, как выглядит человеческое лицо! Представьте себе, как они должны были страдать и как страдают, когда смутно стараются понять страшную разницу между ними и теми, кто видит и как они спрашивают себя: «Откуда же взялась эта разница? Ведь мы ни в чем не виноваты». когда я расставался со слепыми детьми, мне казалось, что мы – это счастливое исключение, что мы обладаем незаслуженной привилегией видеть дома, людей, небо. я уверен, что среди вас нет ни одного, кто не почувствовал бы себя готовым отдать часть своего собственного зрения, чтобы дать хотя бы слабый отблеск его этим бедным детям, для которых солнце не имеет света, а мать – лица.

<...>

Институт находился совсем близко. Пока мы шли по улице, садовник разговаривал со мной и делался все более и более грустным:

– Ах, моя бедная Джиджа! Родиться с таким пороком, быть глухонемой! Подумать только, я ни разу не слышал от нее слова «отец», а она никогда не слышала от меня «доченька». ... Три года меня не было дома. Она выросла, скажи мне, за это время? Она довольна, счастлива?

– Сейчас увидите, сейчас увидите, – отвечал я ему, ускоряя шаги.

<...>

Учительница улыбнулась и тихо спросила у девочки:

– Кто это за тобой приехал?

И тогда девочка каким-то хриплым, странным и однообразным голосом, но совершенно отчетливо, улыбаясь произнесла:

– Э-то мой о-тец.

Садовник отскочил назад и закричал как безумный:

– Она говорит! Ты говоришь, доченька, говоришь? <...> Ах, какой замечательный денек! Вот это, что называется, утешили! <...> Спасибо от всего сердца. <...> Пойдем, пойдем, доченька, моя немуша, мое сокровище!

– А девочка воскликнула своим хриповатым голосом:

– Ка-кое солнце!»

-

ГЛЕЙЦМАН М. Болтушка: Повесть / Морис Глейцман; Пер. с англ. М. Бородицкой. — М.: ОГИ, 2003. — 144 с.

С сайта Центральной городской библиотеки для детей и юношества г. Новоуральска
<http://www.child-library.ru/adult-readind-with-child-OGI.html>

Книга Моррис Глейцман «Болтушка» затрагивает очень важную проблему — проблему толерантности: понимания, уважения друг к другу. Мы, люди, живущие на планете Земля, все разные, разные по языку, цвету кожи, религии, культуре, обычаям, разные по темпераменту, поведению, привычкам. У каждого из нас есть свои проблемы: у некоторых нет друзей, у кого-то проблемы на работе, в семье, в школе, кто-то не понимает юмора, а у Ровены Бетс — главной героини этой книги — врожденная анатомическая особенность гортани, которая не позволяет ей говорить. Ровена — умная, красивая девочка, она постоянно о чем-то размышляет, пишет быстрее, чем ее одноклассники, умеет общаться на языке жестов. Она взрослее многих своих сверстников: в свои 12 лет она знает, как тяжело терять самых близких: маму и лучшую подругу, как тяжело быть не такой как все, как неосторожным словом, жестом можно ранить другого человека, даже самого дорогого. Девочка умеет остро чувствовать и переживать. Так переживает она за своего замечательного папу — настоящего товарища и друга, готового всегда броситься на защиту любимой дочери. Папа Ровены живет не так, как все люди. Он всегда абсолютно искренен, может горланить песни, если у него хорошо на душе, не стесняясь того, что у него нет слуха, ярко и необычно одеваться. Многие люди не понимают его и готовы унижить за эту абстрактную искренность. Он их пугает тем, что не похож на них. Особенно нетерпимы оказываются те, кого когда-то унижали самих. Осудить, насмеяться, смотреть свысока намного легче, чем научиться понимать, помогать, не принося страдания, и, наконец, признать право каждого быть самим собой. И если мы это поймем, тогда мы заметим, что у слепых более тонкий слух, чем у зрячих, а глухие люди различают больше цветовых нюансов, чем слышащие, а обычные (здоровые) люди могут помочь и тем, и другим и сделать их и свою жизнь радостнее и счастливее. Как хорошо, если бы это поняли все люди на нашей планете, как это поняла Ровена.

КРАПИВИН В. Самолет по имени Сережка: Повесть / Владислав Петрович Крапивин. — М.: АСТ, 2005. *И любое другое издание*

*Из рекомендательного указателя литературы «Книги, помогающие жить»
 Центральной городской детской библиотеки г. Москвы им. А. П. Гайдара:*

http://www.gaidarovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=253&Itemid=284

Роме Смородкину из повести «Самолет по имени Сережка» одиннадцать лет. Половину жизни он провел в инвалидном кресле - в раннем детстве мальчик упал спиной на железный прут. Мама считает, что Роме лучше жить в интернате для инвалидов, где созданы специальные условия для таких ребят, как он. Но сам Рома другого мнения: «Мне казалось, что интернат похож на больницы, в которых я лежал много раз и подолгу. И которые мне тошно вспоминать. Опять будут палаты с кроватями в ряд, белые халаты, запах лекарств и кухни, который не исчезает в коридорах. Короче говоря, казенный дом. И не единого уголка, где можно остаться одному. Я же там зачахну от тоски! Мне надо, чтобы вокруг были родные стены, которые я люблю до последней трещинки. Чтобы рядом все было привычное, мое. Мой стеллаж с книгами, мой телевизор, мой булькающий и ворчливый кран на кухне, мой пылесос, с которым я управляюсь не хуже мамы. Мой балкон и мой двор за окнами. И чтобы мама была рядом каждый день. Вернее каждое утро и каждый вечер... Неужели она этого не понимает?! А мама снова и снова заводила разговор об интернате: - Тебе нужен коллектив,

товарищи. Такие же, как ты. Чтобы ты чувствовал себя равным среди равных... Но я не хотел быть таким равным. Нет, не подумайте, что я как-то по нехорошему относился к инвалидам. Если бы я сам умел ходить, я мог бы вполне подружиться с больными ребятами и помогал бы им во всем. От души, а не из жалости. По-моему, такие ребята всегда должны быть с обыкновенными мальчишками и девочками. И среди них стараться себя чувствовать равными».

Рома всей душой стремится к чуду, которое смогло бы разорвать суровую реальность. И у него появляется друг, умеющий превращаться в самолет...

КРОТОВ В. За бродячим подсолнухом: Сказ. повесть. В 2-х кн. / Виктор Кротов; Худож. А. Власова. – М.: Центр «Нарния», 2003. – Кн. 1 – 288 с.: ил.; Кн. 2 – 192 с.

Девочка Кю, увлекающаяся верховой ездой, и её брат Айн, прикованный к инвалидной коляске, отправились в сказочное путешествие и никак не ожидали, что их ждёт такая чехарда невероятных встреч и приключений. Вот Манная Тётя, которая может превращаться во что угодно. Вот самовольный вертолёт свил себе гнездо на вершине горы. Вот кругодыры живут, не замечая неба над головой. В таком путешествии не заскучаешь, даже если просто оглядываться по сторонам. Но брат и сестра втянуты в самую гущу событий. Ведь они не просто гостят в удивительных сказочных мирах, а стремятся отыскать неугомный бродячий подсолнух, чтобы узнать его тайну. Айн и Кю проходят через один сказочный мир за другим. В мире догадок они встречаются и лазальщика Гарби-Барби-Варби-Бара по имени Топши, и Секундёнка, который делает всё так быстро, что никто не успевает заметить, и многорукого, многоногого Бимби-Кримби, и клоунессу Дрипочку и побывать в гостях у Вечности. Тем временем Айн учится у сестры ездить на лошади, а её учит водить автомобиль. И оба продолжают учиться Искусству Человеческой Жизни, пониманию её замысла и осуществления.

КУЛИДЖ С. Что Кейти делала; Что Кейти делала в школе; Что Кейти делала потом: Повести / Сюзан Кулидж; Пер. с англ. и предисл. М. Батищевой. – СПб.: Лениздат, 1999. – 448 с.: ил. – (Незнакомая классика. Книга для души)

С сайта «Американская и канадская классика для детей и юношества в переводах М. Ю. Батищевой»

<http://familyclassics.narod.ru/katy1.html>

Бойкая, веселая и жизнерадостная Кейти любит своих братьев и сестер, но, вопреки своим самым лучшим намерениям, вечно вовлекает их в ужасные проделки. И все же она надеется стать им примером, а когда вырастет обязательно будет кем-нибудь знаменитым. Но одна минута непослушания – и, получив травму позвоночника, Кейти оказывается прикованной к постели. Надежда на выздоровление есть, но как долго ждать! А братья и сестры за это время уйдут вперед в учебе и совсем забудут ее в ее комнате! Но, может быть, можно обратить на пользу себе и другим годы, которые предстоит провести в Школе Страдания? Может быть, можно найти подход к каждому, даже оставаясь прикованной к постели? Ведь у каждого человека, как у каждой вещи, есть своя "ручка", только надо знать, как за нее взяться...

МУРАШОВА Е. Изюмка: Повесть / Екатерина Вадимовна Мурашова // Журн. «Костёр», 1992, №№ 10-11.

Это необыкновенно светлая и добрая ранняя повесть Екатерины Мурашовой о мальчишке-подростке, которому трудно общаться с людьми и учиться, потому что его родители много пили. Он очень любит зверей, понимает их и всегда находит с ними общий язык. Он был счастлив, пока ему разрешали помогать смотрителю в Зоопарке, но счастье было недолгим. А еще у него великолепное чувство цвета и линии и кажется, он мог бы прекрасно рисовать... Эта повесть с открытым концом, как бы обращенным к миру вопросом – как помочь Изюмке?

МУРАШОВА Е. Полоса отчуждения (Обратно он не придет): Повесть / Екатерина Вадимовна Мурашова // Сб. «Дружба». – Спб.: Дет. Лит., 1991; Сб. «Барабашка – это я». – М.: «Дет. Лит.», 1998.

С сайта Челябинской областной детской библиотеки им. В. Маяковского
<http://www.choddb.uu.ru/ArtWorks/ArtLiterKinder/Podrostok/Podrostok.htm>

Разные обстоятельства способны заставить человека пересмотреть отношение к себе и своему окружению: встреча, книга, приобщение к чужой беде... Для тринадцатилетней Ольги, героини повести Е. Мурашовой «Обратно он не придет» все они соединились в одно. Ее случайными знакомыми, а потом и друзьями стали обитатели «полосы отчуждения» – захлавленной железнодорожным мусором территории. Здесь обосновались беглецы из детского дома, сироты при живых родителях – подросток Васька и маленький первоклассник Жека, тяжело страдающий эпилепсией. Жека был безуспешен в учении, истощен болезнью, не умел играть и радоваться. Васька, затеявший бегство из «инкубатора», спасал Жеку от специнтерната для олигофренов. В «полосе» он устраивал их жилище, был, добывал еду, лечил Жеку...

Жизнь ребят была совсем не похожа на жизнь вполне благополучной Ольги, правда, пережившей недавно развод родителей, переезд на другую квартиру, смену школы. Встретившись однажды с Васькой и Жекой, она знала, что не сможет «уже жить так, как будто никогда не видела» их. Однако ее попытки искать помощи у взрослых не увенчались успехом. Родители, бабушка, учительница оказались не способными принять и трезво оценить реалии беспризорничества. Тринадцатилетняя Ольга готова принять на себя ответственность большую, чем взрослые люди, которые заученно повторяют, что «детей, которые по тем или иным причинам остаются без родителей, у нас воспитывает государство». И Ольга делает для ребят то, что может: играет с Жекой и читает ему книжки, устраивает прогулку по центру Петербурга, помогает вести нехитрый быт, буквально спасает внезапно заболевшего малыша благодаря медицинским познаниям, почерпнутыми от бабушки-педиатра. Жизнь поворачивается к ней весьма неприглядной стороной, и Ольга не хочет прятаться от нее, зажмуриваться или делать вид, что ее это не касается. Эту внутреннюю позицию героини хорошо выражает реплика тихой, болезненной и начитанной одноклассницы Иры Смирновой: «Мне даже нужно волноваться. Иначе я вообще никогда человеком не стану». Автор истолковывает человечность как сопричастность и соучастие в судьбах других людей. А бесчеловечность – как безразличие: «Это когда есть еда, одежда и всякое другое, но нет человека. И не только вокруг, но и в тебе самом его никто не видит».

Так под влиянием «дурного общества» происходит становление характера героини, «накопление» человечности. Щадя своих близких, она по-прежнему скрывает от них тайну «полосы отчуждения». «Она стала резче, грубее, злее», – жалуется классная руководительница. Любящие и любимые Ольгой родители, бабушка, склонны искать причины перемен в ее характере и поведении в переходном возрасте, акселерации, недостатке витаминов, соблазнах улицы... Они готовы подвергнуть девочку унижительной процедуре, чтобы установить причину ее ночной отлучки. Они не в силах преодолеть «полосу отчуждения», которая разделяет их с повзрослевшей дочерью. Они – из поколения «старых туристов» – шестидесятников. Люди, живущие социальными иллюзиями в жестком современном

мире.

Финал книги драматичен. Окончательное помешательство Жеки вынуждает Ваську «сдаться» тем, кто бесплатно кормит, одевает, учит, лечит, развлекает... Название книги – «Обратно он не придет» – обнадеживает: возвращается Васька в «инкубатор» не надолго. Есть в Ваське достоинство, находчивость, мужицкая сметка и трудовая хватка. Умеет он постоять за себя и на кусок хлеба заработать. Да только мир для него – за «полосой отчуждения» и вся Васькина будущая жизнь зависит от людей, способных увидеть в нем человека. А пока в финале повести этот мир смотрит на Ваську, Жеку и Ольгу, приближающихся к вокзалу, глазами ужаса, удивления и страха.

НАЗАРКИН Н. Изумрудная рыбка. Палатные рассказы / Николай Назаркин; Худож. Н. Петрова; Предисл., послесл. М. Порядиной. – М.: Самокат, 2007. – 112 с.: ил. – (Лучшая новая книжка).

«А утром Толика на месте не оказалось. Мальшш Владик, из одной палаты с Толиком, сказал, что ночью Толику стало плохо и его увезли. Я не стал паниковать, а сразу пошел к дверям кухни – Катя Васильевна должна скоро смену сдавать, значит, сейчас наверняка чай пьет.

Я сунул голову в кухню и спросил, чего там с Толиком.

– На седьмой его перевели, в новый корпус, – сказала Катя Васильевна. – Сильное кровоизлияние в правую почку.

Я кивнул. Седьмой этаж – это реанимация.

– Ох ты, Господи! – всполошилась баба Нюра, которая пила чай с Катей Васильевной. – Он же только вечером тут скакал, поднос какой-то спрашивал!..

Странные эти взрослые иногда бывают. Вчера скакал, а сегодня лежит. Чего тут такого-то? Мы все здесь такие. Ничего, все на седьмом побывали и пока вот скачем. Рыцарь должен уметь смотреть в глаза своей судьбе.

Нормальная жизнь».

Из послесловия К. Молдавской:

Изумрудная рыбка» покоряет удивительным «русским детским» языком, искренностью и «настоящностью». Николай Назаркин сам был когда-то маленьким пациентом и показывает жизнь больницы изнутри. Но не думайте, что в книжке будет одно нытье и скука - умению дружить и радоваться жизни у героев «палатных» рассказов можно только поучиться! Сборник рассказов «Изумрудная рыбка» – дебют Николая Назаркина в литературе – был сразу замечен критиками и получил Малую премию Национальной детской литературной премии «Заветная мечта».

САУТОЛЛ А. Пусть шарик летит!: Повесть / Айвен Саутолл; Пер. с англ. Н. Дезен; Послесл. А. Прихожан, Н. Толстых. – М.: ОГИ, 2002. – 132 с. – (Мы вместе).

С сайта Центральной городской библиотеки для детей и юношества г. Новоуральска
<http://www.child-library.ru/teenager-moda-OGI.html>

Джон Клемент Самнер из книги Айвена Саутолла «Пусть шарик летит» не может бегать, прыгать, лазить по деревьям, потому что у него заболевание, которое ограничивает его в движениях. Родители его очень любят, стараются найти полезные по его силам занятия, чтобы мальчику не было скучно. Но для Джона самое страшное в жизни не его болезнь, а постоянные ограничения: «Нет. Тебе это нельзя делать. Опасно». Поэтому, когда Джон остается один, он сознательно нарушает все запреты и залезает на самое высокое дерево. Эту книгу очень полезно прочитать всем родителям, в доме которых есть подростки, и любому ребенку, а не только детям с ограниченными

возможностями. Основная проблема у всех родителей, имеющих детей-подростков, излишняя опека. Конечно, самостоятельность и свобода, к которой стремятся подростки, всегда сопряжены с опасностью потому, что ребенок не всегда может точно оценить ситуацию, понять последствия своих поступков. Поэтому взрослому всегда хочется сделать это за него. Такая забота нужна и ребенку, и подростку. Она создает чувство защищенности. Но все имеет свои границы. Иногда эта забота, опека превращается в гиперопеку (особенно если речь идет о больном ребенке) и делает его беззащитным перед окружающим миром. А ведь рано или поздно всякий человек сталкивается с этим миром один на один. Поэтому не жалеть, не ахать и причитать, а готовить к жизни, научить ответственности за свои поступки, умению самому принимать решения, понимать свои особенности, связанные с болезнью, умению контролировать, управлять ею. «Я иной чем другие, но я не хуже других» — убедить в этом подростка очень важно, ведь именно в этом возрасте он должен найти и определить, в чем его уникальность, и понять, что не надо страшиться будущего.

ШМИТТ Э.-Э. Оскар и Розовая Дама. Мсье Ибрагим и цветы Корана. Дети Ноя: Повести / Пер. с фр. А. Браиловского, Г. Соловьевой, Д. Мудролюбовой. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 272 с. И любое другое издание.

Из материалов сайта «Театральный смотритель»

http://www.smotr.ru/chehov6/c6_oscar.htm

В больнице после неудачной операции умирает от рака крови десятилетний мальчик Оскар. Он знает, что он умирает. Жить ему осталось всего несколько (двенадцать) дней, за ним ухаживает старая сестра милосердия в розовой униформе, он к ней очень привязался, она к нему тоже. Поскольку действие начинается 19 декабря, Оскар скончается ровнехонько под Рождество. Розовая дама предлагает безнадежно больному парнишке две игры. Первая: будем считать, что каждый день твоей жизни равняется десяти годам среднестатистической, общечеловеческой. Вторая: каждый день ты будешь писать письма Господу Богу. Не за просто так, разумеется: ежедневно Бог будет исполнять одно твое душевное желание. «Душевное» - это значит, что выпрашивать себе выздоровление, центнер пирожных и все прочее, с чем адресуются к Деду Морозу, не имеет смысла. Бог не Дед Мороз. Он существует взаправду и делает только то, что нужно для души. Его (как, впрочем, и себя) нельзя унижать просьбами насчет пирожных.

Первое письмо, начинающееся и кончающееся вполне трафаретно («Дорогой Бог! /.../Целую, Оскар»), содержит в постскрипуме понятную, самую жгучую просьбу: «Ответь мне, пожалуйста, как прошла операция. В смысле: я сейчас умру или когда-нибудь потом?» Второе начинается со слов: «Дорогой Бог! Ну, ты силен!» - и дальше восхищенный Оскар описывает, как удалось ему подслушать разговор между врачом и родителями: мы сделали все, что могли, но шансов почти не было и т.д. Близкая смерть уже менее важна, чем восторг: «Я попросил - Ты сделал! Это здорово. Целую, Оскар».

ОТРОЧЕСТВО -- ЮНОСТЬ

БАЙЕРС Б. Лебединое лето: Повесть / Бетси Байерс; Пер. с англ. А. Дубининой; Худож. А. Власова. – М.: Центр «Нарния», 2007. – 176 с.: ил.; – (Тропа Пилигрима)

Саре Годфри 14 лет, и она переживает самое трудное время – период взросления. Еще вчера она была веселым, довольным ребенком, а сегодня поняла, что весь мир – ужасен. Жизнь, и правда, не мила, если у тебя умерла мама, папа живет далеко и приезжает редко, а младший брат Чарли после тяжелой болезни отстал в развитии и не умеет разговаривать. Однажды Чарли пошел разыскивать пленивших его лебедей и заблудился в лесу. Поиски его перевернули Сару, она увидела, какой смысл и радость придает Чарли ее жизни и заново, любящим и радостным взором смогла взглянуть на мир и тех, кто окружает ее.

КОНВИЦКИЙ Т. Зверочеловекоморок: Роман / Тадеуш Конвицкий; Пер. с пол. К. Старосельской; Худож. Д. Конвицкая. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 256 с.

«... Ассистенты с готовностью соглашаются. Все они хотят поскорее уйти, но вовсе не потому, что меня не любят или их ждут неотложные дела. Просто им нечего сказать. Тема давно исчерпана. Были уже и шутки, и смех, и дружеские перепалки. Были и серьезные призывы запастись терпением и не терять мужества. Мол, встречаются сложные случаи, когда медицина почти бессильна, но не надо отчаиваться. Медицинская наука идет вперед семимильными шагами, каждый новый день приносит потрясающие открытия, мы живем в замечательное время стремительного развития человеческой мысли.

– Я бы немного полежал на левом боку, - говорю я робко, потому что мне не хочется их задерживать.

Все, уже с порога, бросаются обратно к моей кровати. Пани профессор сама поворачивает меня так, чтобы я видел окно, голые ветки деревьев и низко стелющийся над крышами дым.

Другие быстро поправляют одеяло и подушку. Потом уходят.

И опять я остаюсь один. И мне некуда деваться, потому что я не хочу больше возвращаться в воображении на улочку с памятником заслуженному педагогу – улочку, которой, скорее всего, вообще нет, а даже если и есть, то живут на ней совсем другие люди; я не хочу возвращаться домой к маме-художнице, к раздражительному отцу и пани Зофье, борющейся за сохранение линии, потому что если б они были, то не кинули бы меня одного в этой страшной больнице. Я не хочу возвращаться к Себастьяну, псу-изобретателю, потому что таких собак никто никогда не видел.

Не сердитесь, что я рассказал вам историю, в которой нет ни слова правды. Но мне, честное слово, хотелось бы влюбиться в такую девочку, как Майка или хотя бы Эва, хотелось бы иногда прогуливать уроки, сняться в фильме о межпланетном путешествии, драться с ровесниками, тайком читать дневник старшей сестры, выслушивать несусветные выдумки и оскорбления какой-то Цецилии, кошмарного чудовища в юбке, отчаянно скучать и терять интерес к жизни.

Я рассказал эту вымышленную от начала до конца историю, собственно, самому себе. Чтобы хоть ненадолго избавиться от боли, страха и тягостных мыслей. Приятно освободиться и чувствовать себя свободным.

Поэтому вы не очень-то горюйте. Может быть, я еще поправлюсь, кто знает, а если и не поправлюсь, тоже мир не перевернется. Комета снова устремится к Земле, деревья будут медленно расти, сбрасывая листву и рождая новую, цветы будут цвести и пахнуть, молодежь - влюбляться без памяти, а старики - бояться смерти. Ведь это просто замечательно, что я немного погулял на свободе. Желаю вам того же. Лишь бы только мы были здоровы. Лишь бы только...»

КОРОЛЕНКО В. Г. Слепой музыкант. Любое издание

«... Молодая женщина смотрела на людей, как испуганная горлица, и спрашивала:

– Скажите же мне, отчего он такой?

– Какой? - равнодушно переспрашивали посторонние. - Он ничем не отличается от других детей такого возраста.

– Посмотрите, как странно ищет он что-то руками...

– Дитя не может еще координировать движений рук с зрительными впечатлениями, - ответил доктор.

– Отчего же он смотрит все в одном направлении?.. Он... он слеп? - вырвалась вдруг из груди матери страшная догадка, и никто не мог ее успокоить.

Доктор взял ребенка на руки, быстро повернул к свету и заглянул в глаза. Он слегка смутился и, сказав несколько незначащих фраз, уехал, обещая вернуться дня через два.

Мать плакала и билась, как подстреленная птица, прижимая ребенка к своей груди, между тем как глаза мальчика глядели все тем же неподвижным и суровым взглядом.

Доктор действительно вернулся дня через два, захватив с собой офтальмоскоп. Он зажег свечку, приближал и удалял ее от детского глаза, заглядывал в него и, наконец, сказал с смущенным видом:

– К сожалению, сударыня, вы не ошиблись... Мальчик действительно слеп, и притом безнадежно...

Мать выслушала это известие с спокойной грустью.

– Я знала давно, - сказала она тихо.

Многочисленная публика собралась в Киеве, слушать оригинального музыканта. Он был слеп, но молва передавала чудеса об его музыкальном таланте и о его личной судьбе.

В зале настала глубокая тишина, когда на эстраде появился молодой человек с красивыми большими глазами и бледным лицом. Никто не признал бы его слепым, если б эти глаза не были так неподвижны и если б его не вела молодая белокурая дама, как говорили, жена музыканта.

Южно-русская публика вообще любит и ценит свои родные мелодии, но здесь даже разношерстная толпа была сразу захвачена глубокой искренностью выражения. Живое чувство родной природы, чуткая оригинальная связь с непосредственными источниками народной мелодии сказывались в импровизации, которая лилась из-под рук слепого музыканта. Многолюдная зала мгновенно притихла.

В эту минуту вошел Максим. Он внимательно оглядел эту толпу, охваченную одним чувством, направившую на слепого жадные, горящие взгляды.

Старик слушал и ждал. Он больше, чем кто-нибудь другой в этой толпе, понимал живую драму этих звуков. Ему казалось, что эта могучая импровизация, так свободно льющаяся из души музыканта, вдруг оборвется, как прежде, тревожным, болезненным вопросом, который откроет новую рану в душе его слепого питомца. Но звуки росли, крепили, полнели, становились все более и более властными, захватывали сердце объединенной и замедленной толпы.

И чем больше прислушивался Максим, тем яснее звучал для него в игре слепого знакомый мотив.

И вдруг сердце Максима упало. Из-под рук музыканта опять, как и некогда, вырвался стон. Вырвался, прозвенел и замер. И опять живой рокот, все ярче и сильнее, сверкающий и подвижный, счастливый и светлый. Это уже не одни стоны личного горя, не одно слепое страдание. На глазах старика появились слезы. Слезы были и на глазах его соседей.

"Так, так, мой мальчик, - мысленно ободрял Максим, - настигай их среди веселья и счастья..."

Через минуту над заколдованной толпой в огромной зале, властная и захватывающая, стояла уже одна только песня слепых...

Подайте слепеньким... р-ради Христа.

Но это уже была не просьба о милостыне и не жалкий вопль, заглушаемый шумом улицы. В ней было все то, что было и прежде, когда, под ее влиянием, лицо Петра искажалось и он бежал от фортепиано, не в силах бороться с ее разъедающей болью. Теперь он одолел ее в своей душе и побеждал души этой толпы глубиной и ужасом жизненной правды... Это была тьма на фоне яркого света, напоминание о горе среди полноты счастливой жизни...

Максим опустил голову и думал:

"Да, он прозрел... На место слепого и неумолимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных..."

И старый солдат все ниже опускал голову. Вот и он сделал свое дело, и недаром прожил на свете, ему говорили об этом полные силы властные звуки, стоявшие в зале, царившие над толпой...

Так дебютировал слепой музыкант.

ЛИТТЛ Д. Неуклюжая Анна: Повесть / Джин Литтл; Пер. с англ. О. Бухиной; Худож. М. Патрушева. – М.: Центр «Нарния», 2005. – 240 с.

Анна - неловкий, неуклюжий ребенок, посмешище дома и в школе, потому что ни родители, ни учителя не догадываются, о том, что она почти ничего не видит. И надо было переехать в другую страну, чтобы там нашелся и доктор, который понял, в чем дело, и специальный класс с замечательной учительницей и дружелюбными одноклассниками. Анна привыкла свой особый, полный глубоких переживаний и серьезных размышлений мир прятать глубоко внутри и от родителей, и от братьев с сестрами. Отец не раз называет младшую дочку особенной. Она и впрямь особенная – её сердце полно любви, которую не замечает никто. Однажды эта любовь выплещивается наружу: своими неловкими, как все привыкли считать, пальцами Анна сплела чудесную корзину в подарок родителям. Нет, не родителям, маме – ведь папа и так её любит, а мамину любовь, как ей кажется, ещё надо завоевать. Всё это происходит на Рождество, и корзинка Анны неожиданно объединяет всю семью и раскрывает сердца близких навстречу друг другу.

ЛИТТЛ Д. Слышишь пение?: Повесть / Джин Литтл; Пер. с англ. О. Бухиной; Худож. М. Патрушева. – М.: Центр «Нарния», 2006. – 314 с.

"Слышишь пение?" - вторая книга об Анне Зольтен, продолжение книги "Неуклюжая Анна". Теперь Анна уже подросток, а не маленькая девочка, которой постоянно необходимы защитники - теперь она возвращает то тепло, ту доброту, которой так щедро делились с ней и ее первая канадская учительница, и соученики в классе для слабовидящих детей, и, конечно же, ее отец, Эрнст Зольтен. Но семью Анны настигает другое несчастье – в результате несчастного случая на корабле слепнет ее старший брат Руди. И никто другой из всей семьи, только Анна придумывает как помочь брату выплыть из бездны отчаяния и увидеть, что он может жить как человек, а не прозябать в своей инвалидности. В книге кроме того подняты серьезные проблемы ксенофобии, ненависти к тем, кто говорит на другом языке, по-иному молится, носит необычную одежду... Книга "Слышишь пение?" получила специальную премию Канадского совета по детской литературе.

МАРШАЛЛ А. Я умею прыгать через лужи: Повесть / Алан Маршалл; Пер. с англ. С. Кругерской, Вл. Рубина. – М.: ОГИ, 2003. – 372 с.

С сайта Центральной публичной библиотеки г. Новоуральска

<http://www.library.novouralsk.ru/mercy-litglobus-wetogether.html>

Алану Маршаллу - автору широко известной повести "Я умею прыгать через лужи" (первая часть автобиографической трилогии) с родителями очень повезло. В раннем детстве он перенес полиомиелит и, как следствие, детский паралич: "плохая" нога, бесчувственная и мертвая, и "хорошая", на которую, стоя на костылях, можно опереться. Тяжелый недуг и необратимые последствия. У Алана есть всё, чтобы жить полноценной мальчишеской жизнью. Упертость, мальчишеское озорство и бесшабашность позволяют ему делать всё то, что и другие, не жалуясь и не жалея себя. У него необыкновенные родители: не очень образованные, но с удивительным даром понимания, любовью к жизни и житейской мудростью. Только гениальный от природы родитель способен сказать своему "особому" ребёнку: "Мне повезло, что у меня такой сын уродился. ...Старайся вместе со всеми и драться, и бегать, и скакать верхом, и орать благим матом. А о ногах своих забудь. Я с этой минуты намерен о них забыть." Всего несколько страниц уделяет автор своей "теории полноценного развития", но вполне определённо говорит, что безгливость исходит от закомплексованных и не самодостаточных людей. Здоровые люди не сторонятся немощи, относятся к ней как к особенности, с которой надо считаться. Они могут помочь, но не навязывают жалость. Друзья не обращаются с ним как с "несколько иным существом". Как будто кто-то подсказал им, что такое общение "искалечило бы его душу". На примере собственной жизни автор определяет все необходимые условия для становления характера и нравственного формирования "особенного" человека. Единственно правильная политика окружающих, открытость и умение слушать главного героя позволили ему прожить долгую и интересную жизнь, стать отцом двух детей, знаменитым путешественником, писателем с мировой известностью.

МУРАШОВА Е. В. Класс коррекции: Повесть / Екатерина Вадимовна Мурашова; Послесл. К.А. Молдавской. – М.: Самокат, 2007. – 192 с. – (Встречное движение).

«– Дети, сегодня я прошу вас вспомнить о таком понятии, как милосердие!

В ответ на эту просьбу половина нашего класса "Е" весело заржала. Другая половина, та, у которой сохранились мозги, насторожилась. И было отчего. Я думаю, что в тот день это самое слово - "милосердие", прозвучало в стенах нашего класса впервые за все семь лет, которые мы провели в школе. Почему? Так уж получилось. Не говорят в нашем классе такими словами.

Отчего же теперь? Клавдия, наша классная руководительница, переминалась с ноги на ногу, ломала пальцы и закатывала глаза. Если бы Клавдия была лет на двадцать моложе, то, наверное, в этот момент напомнила бы нам (тем, кто способен мыслить сравнениями) героиню Тургенева. Такого с ней на моей памяти тоже не случилось - обычно, заходя в класс, она сразу начинала истошно орать, и ни на какие романтические сравнения ее образ не напрашивался.

Глядя на переминающуюся Клавдию, я сразу подумал о том, что наш класс решили расформировать прямо сейчас, не дожидаясь конца года. Все учителя нас давно этим пугали, и вот, наконец, - свершилось. Но только причём тут милосердие?

Наш класс называется "класс коррекции" и, кроме того, имеет в своем названии замечательную букву "Е". 7"Е" класс - класс коррекции. Звучит, не правда ли? Восьмого "Е" класса в нашей школе не предусмотрено, следовательно, наш класс в любом случае расформируют. Часть моих одноклассников, я думаю, закончит свое образование после седьмого класса и никогда больше в школу не вернется, некоторые пойдут в 371 школу для дебилов, некоторых (особо умных) возьмут в классы "В" и "Г", еще кого-то родители сумеют пристроить в другие школы района. Витька с Митькой собираются пожениться, Мишаню, должно быть, закатают в интернат, а Ванька Горохов говорит, что брат нашел ему такое ПТУ, в которое берут после 7 класса. Игорь Овсяников собирается

попытать счастья вместе с Ванькой, но, честно говоря, ему, с его прилежанием и оценками, трудно на что-то надеяться.

- Сегодня, ребята, я хочу представить вам нового ученика вашего класса... - разродилась, наконец, Клавдия.

Ого! Страшно даже подумать, что же это такое к нам пожаловало...

- Дак представьте же поскорее, Клавдия Николаевна! Мы в нетерпении! - крикнула Маринка, которой надоело пудрить прыщи на последней парте.

Маринке бояться нечего, с головой у нее все в порядке, ее точно возьмут в "Г" класс. Если, конечно, она не выкинет до конца года чего-нибудь эдакого... А Маринка, она может.

Дверь словно сама собой распахнулась, и из коридора въехала в класс красивая инвалидная коляска с большими блестящими колесами. Человек десять изумленно присвистнули. Я сам с трудом удержался.

То есть не то, чтобы мы инвалидных колясок не видели, или людей, которые на них передвигаются. Сколько угодно - в метро, на вокзалах, в переходах, на перекрестках, ну, где там еще нищие встречаются? Но чтобы вот так, в обычной, можно сказать, школе. Как же они ее на третий этаж-то затащили?

- Знакомьтесь, ребята, Юра Мальков будет учиться с вами. Надеюсь, вы поможете ему... поможете привыкнуть и адаптироваться к школе...

Впечатление, надо сказать, получилось сильным. Никто из наших не гмыкал, не ржал, не свистел, не показывал пальцем, не отпускал идиотских шуточек. Все это было впереди. Пока все молча смотрели на Юру Малькова. А Юра Мальков смотрел на нас. И улыбался.

Потом Пашка Зорин встал из-за последней парты, отодвинул стул рядом с собой и деловито спросил:

- Ты как, видишь хорошо? Или тебе лучше вперед?

- Я хорошо вижу, спасибо, - Юра улыбнулся еще шире и, ловко управляя коляской, покатился по проходу к Пашкиной парте.

Клавдия выдохнула разом такую порцию воздуха, словно собиралась надуть детский мячик.

- Ну вот и хорошо, - сказала она. - Потом познакомитесь поближе, а сейчас начинаем урок. Достаньте тетради с домашним заданием.

РОМАНУШКО М. С. Карантин: Повесть / Мария Сергеевна Романушко; Худож. Е. Беспалова. – М.: Духовное возрождение, 2004. – 160 с. – (Б-ка Ассоциации «Духовное возрождение»).

*Из рекомендательного указателя литературы «Книги, помогающие жить»
Центральной городской детской библиотеки г. Москвы им. А. П. Гайдара:*

http://www.gaidarovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=253&Itemid=284

Страшная болезнь – дифтерия... Тяжело больны взрослый сын и маленькая дочь. Как выдержать посланное тебе и твоей семье испытание, не впадая в отчаяние и безнадежность? Как научиться замечать тех, кто рядом и кому ещё хуже, чем тебе? С множеством подобных проблем сталкиваются герои этой книги, написанной на пределе искренности, но вместе с тем красочно, живо и поэтично. Эта книга о том внутреннем свете любви, ни одна искорка которого не пропадает напрасно. Отвечая на вопрос: « О чем ее книги?», Мария Сергеевна Романушко написала: «Мои книги о детстве. О самых замечательных людях на свете - наших детях. О глубинах детской души. О подростковой маете. О юности, о трудном взрослении. Как помочь своему Любимому Ребёнку стать СОБОЙ. Как быть настоящим другом сыну и дочери? Как научить детей свободе. Как жить с ними

ОБЩЕЙ жизнью. Одним словом: КАК БЫТЬ ВМЕСТЕ. И еще о том, как слабость может обернуться силой».

См. также – Московская М.В. О мудрой родительской любви // Домашняя школьная библиотека, 2005, № 4.

СУОРТХАУТ (СВОРТАУТ) Г. Благослови зверей и детей: Повесть / Глендон Свортаут; Пер. с англ. В. Орла. – М.: Школьная роман-газета, 1994, 64 с.; М.: Рус. кн., 1994.

На сайте «Великий Кристалл» выложен текст этой книги:

<http://halbien.fromru.com/books.htm>

В 1877 году в США законом впервые был ограничен отстрел канадских бизонов с поездов. Впрочем, отстрел продолжался в других, не менее бесчеловечных формах: например, бизонов сгоняли за ограду, а жаждущие развлечений люди могли пострелять в них за деньги. Но не все воспринимали это как должное. Например, мальчишки-подростки из обычного скаутского летнего лагеря – их возили смотреть на такую «охоту» в соседний штат. И вот эти мальчишки потихоньку завели ночью лагерный грузовичок и поехали выпускать бизонов на свободу. Дорога длинная, и про каждого из них автор успел рассказать его историю. Все они были очень печальными – брошенных детей с трудно преодолимыми сложностями развития не зря собрали в отряд под названием «Писуны». И поскольку каждый из них так или иначе пережил предательство взрослых, им было важно не предать бизонов, которые были в их глазах беззащитными жертвами. По книге бы снят известный фильм Стенли Крамера.

ЮНОСТЬ

ВЕХОВА М. Бумажные маки: Повесть о детстве / Марианна Вехова. – М.: Путь, 1999. – 144 с.

На сайте Музея и Общественного Центра «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова выложен текст книги:

http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book.xtmpl?id=84159&aid=378

Эта книга написана взрослым о своем инвалидном детстве, в попытке понять глубинный смысл страданий. «Я ведь была тем страдающим безвинно ребенком, одиноким в мире страха, крови, войны, ребенком, о котором можно было спросить: каков смысл этой боли, одиночества, надвигающейся инвалидности — безысходного горя до конца дней? ... Когда я была больным ребенком, одиноким среди чужих, когда кричала от боли, грызла руки, мучилась в лихорадке, погружалась в страхи, — я жила этим — болью, жаром, страхом, была *внутри* страдания. А только отпуская, я, усталая, спала... Это взрослым было тяжело на меня смотреть *извне*... Сейчас, сама взрослая, я понимаю в полной мере, каково это — видеть муки ребенка. Но ведь и боль одинокого старика, обманутой девушки, избитой мужем женщины, юноши, попавшего в руки садистов, ужас и отчаяние ракового больного, умирающего в пустой квартире, — разве они меньше тех моих детских мук? Кто их может взвесить и сравнить?

Возможно ли — жалеть одного больше, чем другого?.. Очищает ли страдание? Я видела и по себе знаю — подавляет, искажает, уродует. Может быть, очищает сопротивление этим искажениям? Может быть, возвышает победа над своей слабостью? Тогда мне нельзя отсекал себя теперешнюю от прошлой, зачеркивать мои победы, такие тяжелые, давшиеся такой большой ценой, и отворачиваться от поражений, которые мне так много помогли понять...»

См. также статью Г. Померанца об этой книге:

<http://www.pomeranz.ru/p/maki.htm>

Киз Д. Цветы для Элджернона: Роман / Дэниел Киз; Пер. с англ. С. Шарова. — М.: ЭКСМО; Спб.: Домино, 2007. — 313 с. - (Mona Lisa. Лучшая серия современной прозы).

«Доктор Штраусс говорит что с севодняшниво дня я должен записывать все что я думаю и что со мною случаетца. Я незнаю зачем это нужно но он говорит это очинь важно для таво чтобы посмотреть использовать меня или нет. Я надеюсь они меня используют. Мисс Кинниен говорит может они сделают меня умным. Я хочу быть умным. Меня зовут Чарли Гордон. Мне 37 лет и две недели назад был мой день раждения. Сейчас мне больше писать нечево и на севодня я кончаю».

Тридцать лет назад это считалось фантастикой. Тридцать лет назад это читалось как фантастика. Сейчас это воспринимается как одно из самых человечных произведений новейшего времени, как роман пронзительной психологической силы (о человеке с особыми потребностями, прошедшем путь от отсталости до вершин интеллекта, и в ясном уме понимающем, что неизбежен путь назад), как филигранное развитие темы любви и ответственности.

ШРАЙБЕР М. Принцы в изгнании: Повесть / Марк Шрайбер; Пер. с англ. О. Мязотс. — М.: ОГИ, 2002. — 324 с. — (Мы вместе).

С сайта Центральной городской библиотеки для детей и юношества г. Новоуральска
<http://www.child-library.ru/teenager-moda-OGI.html>

Повесть «Принцы в изгнании» Марка Шрайбера о реабилитационном лагере для детей, больных раком. Сюда они приезжают во время ремиссии. В 1991 г. по этой книге был снят фильм. После него повесть перевели на 5 языков и издали в девяти странах. Герои книги М. Шрайбера дети и подростки, у которых одна из самых страшных болезней, но книга эта не просто о болезни и больных людях, она прежде всего о жизни. Все мы люди — смертны. И каждому из нас отпущен срок: кому-то меньше, кому-то больше. Можно постоянно об этом думать, говорить, особенно если ты тяжело болен, и прожить пусто и бестолково, проклиная жестокую судьбу, ища утечи в непристойных занятиях или безделье. А можно прожить жизнь насыщенной, полной ярких красок, впечатлений, чувств, добрых поступков. Да не все нам подвластно, но мы всегда можем изменить свое отношение к тому положению, в котором мы оказались. Врачи этого реабилитационного лагеря считают, что в борьбе со смертью многое зависит от самого человека, его веры в благоприятный исход. Их визуальная терапия основана на том, чтобы изобразить недуг в виде жалкого пришельца и усилием воли заставить его убраться, потому что куда этому жалкому пришельцу бороться с сильным организмом и его защитными клетками. Поэтому в этом лагере мало говорят о болезнях, больше — о жизни, увлечениях, любви, природе. Здесь соревнуются («Принцы в изгнании» — название одной из команд), плавают, катаются на велосипедах, спорят. Главный герой Райан ведет дневник, которому доверяет все свои переживания, плохое настроение, всю жалость к себе. Райан не рассчитывает, что когда-то кто-нибудь прочтет его записи. Ему это не нужно. Выплеснув все свое

нытье на бумагу, он в конце повести сжигает дневник. Победа ли это над болезнью? Выздоровел ли главный герой? Мы точно не знаем, но то, что он сумел победить болезнь, — это точно. После пребывания в лагере Райан понимает, что он такой же человек, как и все, что он имеет право на жизнь и должен жить, жить не только радуясь благосклонности судьбы, но и вопреки ее жестоким гримасам.

ХЭДДОН М. Загадочное ночное убийство собаки: Роман / Марк Хэддон; Пер. с англ. А. Куклей; Худож. А. С. Чернова.. – М.: Росмэн-Пресс, 2004. – 301 с.

Из статьи О. Мязотс. Большие проблемы «малой» литературы.

Остров сокровищ. Выпуск 01. Вкладка в «Библиотеку в школе» № 02 (158). 16-31 янв. 2006 года
<http://lib.1september.ru/2006/02/9.htm>

Необычная (даже по форме), удивительно мудрая, деликатная и глубокая, веселая и одновременно щемяще грустная книга английского писателя *Марка Хэддона* буквально взорвала казалась бы привыкший к любым неожиданностям английский книжный мир. Ей зачитываются и взрослые, и дети.

Выбрав жанр классического детектива, Марк Хэддон главным героем (и одновременно рассказчиком) делает пятнадцатилетнего подростка, больного аутизмом. Именно он ведет расследование загадочного убийства соседской собаки и, подражая классическим литературным образцам, пишет свой детективный роман: тщательно фиксирует факты, настойчиво пытается разобраться в недоступной его пониманию жизни здоровых людей.

Кристоферу Буну, так зовут мальчика, куда легче и спокойнее в царстве цифр, подчиненном логическим законам, чем в зыбком и лишенном четких правил мире людей. Для Кристофера возможны только определенные «да» и «нет», «черное» и «белое», «плохое» и «хорошее». Ему нравятся списки, таблицы, схемы, он уверен, что правда – ясна и конкретна. Мальчик тщетно пытается уяснить, упорядочить хаотичный и непонятный мир, полный загадочных нюансов, полуправды, лжи во спасение. Но, начав расследование, он выходит за рамки привычной среды: дома, где его опекает беззаветно любящий отец, и школы, где с ним занимаются специально обученные учителя.

Марк Хэддон прекрасно освоил столь любимую литературой постмодернизма игру в цитаты и перепевы. Книга изобилует ссылками на литературные произведения, исторические и научные факты, географические детали. Кристофер подкрепляет ими свое «расследование», но автору они позволяют расширить рамки повествования и вывести его на более высокий уровень художественного обобщения – так смешная и грустная история о больном подростке превращается в притчу о людской разобщенности и непостижимости мироустройства.

Марк Хэддон - английский писатель, художник-иллюстратор и сценарист, автор более десятка детских книг. "Загадочное ночное убийство собаки", его первый роман для взрослых, вошел в лонг-лист премии Букера 2003 года, в том же году был удостоен престижной премии Уитбрета, а в 2004 году - Литературного приза Содружества.

СТРАКАН И. Паренёк в пузыре: Повесть / Иен Стракан; Пер. с англ. Н. Демуровой. – М.: ОГИ, 2003. – 240 с. – (Мы вместе).

С сайта Центральной городской библиотеки для детей и юношества г. Новоуральска

<http://www.child-library.ru/teenager-moda-OGL.html>

Эта книга получила две литературные премии и две специальные премии читательских симпатий, установленные самими подростками 11—14 лет. Книга вызывает множество чувств, удивление, потрясение, восхищение. Читать ее нелегко. Нет, сюжет захватывает с первых страниц. В центре повествования Адам, подросток с серьезными, очень редкими, нарушениями иммунной системы. Его организм лишен сопротивляемости. Самая легкая инфекция для Адама смертельна. Поэтому он должен жить в полиэтиленовой палатке в полной изоляции. Если он выйдет из нее, он умрет. Даже родная мама не может дотронуться до него. Представить себя на месте Адама просто невозможно. А ведь подросток знает все о своей болезни и главное о неутешительном конце. У читателя сжимается сердце от сострадания. И чем больше мы знакомимся с этим удивительным мальчиком, тем больше он нравится нам. Адам действительно удивительный: красивый, много читает, много знает, с ним интересно общаться, пусть даже и через микрофон, в него можно влюбиться, как влюбляется Энн. Влюбляется не потому, что жалеет, просто он лучший из ее знакомых. Никогда не ноет и до последнего сражается с болезнью.

Дружба с Адамом оказывает большое влияние и на Энн, раскрывая в ней все лучшее. Общаюсь с Адамом, девочка осознает, что все проблемы ее друзей и близких ничтожны и чаще всего они их создают сами или придумывают, не умея ценить главного: жизнь, свободу и здоровье.

Про книги об «особых» детях

Демурова Н. М. Спасательные книги. Что читать детям в трудных ситуациях жизни: Аннотированный каталог. – М: САФ (Charities Aid Foundation), Росс. Представит., 1995.

Колоскова Н., Рудишина Т. «Пусть шарики летят» (Серия книг «Мы вместе») // «Библиотека в школе» № 22 (106) 16–30 ноября 2003 года, № 23 (107) 1–15 декабря 2003 года. <http://lib.1september.ru>

Годинер А. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Обзор «спасательных» книг серии «Мы вместе» для преподавателей воскресных школ <http://www.narniacenter.ru/go/godiner7>

Оксана Кабачек. Неуклюжая? Психологические этюды о литературе // "Библиотека в школе" № 21, 2006. <http://lib.1september.ru/2006/21/9.htm>

Из рекомендательного указателя литературы

«Книги, помогающие жить»

Центральной городской детской библиотеки им. А. П. Гайдара:

http://www.gaidarovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=253&Itemid=284

ПАРФЕНТЬЕВ А. Рыжая лапка // Читайка. – 2006. - № 1. – С. 9-15.

Новогодние истории всегда пронизаны теплом, счастьем, ожиданием чуда. И этот совсем небольшой рассказ - не исключение...

В канун Нового года девочка Уля приносит двоюродному братишке Вальке своего крошечного щенка. Просто показать, чтобы немного порадовать маленького слепого мальчика. «Щеночек! - одними губами прошептал мальчик, его лицо озарилось внезапно нахлынувшим счастьем. – Щеночек!».

Разве можно лишить маленького человека такого счастья? Нет, конечно. И Уля это тоже понимает. Это и еще многое другое...

КРАСАВИН Ю. В. Теплый переулочек. М.: Детская литература, 1990. – 95 с.

Мальчик Митя попадает в больницу (а находится она в Теплом переулочке). Отношения с ребятами в больничной палате у него не складываются. А все потому, что он отличается от них. Но не тем, что он из деревни, и не тем, что он смешно окает. А тем, что ему предстоит всего лишь одна несложная операция по исправлению сустава на руке. Он ненадолго задержится в больнице и вскоре вернется домой. Другие ребята из палаты об этом могут только мечтать.

А еще эта повесть о первой любви – полной нежности и заботы. И о первой тяжелой утрате. Но, не смотря на это, Митя на протяжении всей своей жизни с большой теплотой вспоминает о Теплом переулочке.

ХИЛДИК Э. Питер Брейн и его друзья. / Пер. с англ. И. Гуровой; рис. Г. Епишина. - М.: Детская литература, 1969. - 126с.

Главный герой книги Питер Брейн длительной болезнью прикован к постели. Но у него много друзей, которые не дают ему скучать и делают все, что в их силах, чтобы он вместе с ними учился и участвовал во всех играх. Да и сам Питер очень изобретательный мальчуган.

БИЙ К. С. Слепой мальчик // Бий К.С. Овальный салон / Бий Корина С.; пер. с франц. И. Волевич. – М.: Издательство «МИК», 2000. – С. 32-38.

Автор рассказа – известная швейцарская писательница и поэт Бий Корина Стефани. В ее небольшом рассказе судьба сводит молодую девушку со слепым мальчиком, который самостоятельно направляется из приюта для слепых, к своим родителям на каникулы.

Оказавшись попутчиками в поезде, они, конечно же, общаются: любознательный малыш задает своей новой знакомой множество вопросов. Девушка, как может, старается на них ответить. В процессе этого общения ей раскрывается абсолютно незнакомый ранее, загадочный мир маленького слепого.

ЛАКШИН В. Я. Закон палаты: Повесть / В.Я. Лакшин; худож. В. Басков, Н. Филиппов. – М.: Дет. лит., 1990. — 192с.: ил.

Повесть о московских подростках, в судьбах которых сошлись три беды: болезнь, приковавшая их к постели, отрыв от родителей, родного дома и война, забросившая их вместе с клиникой на далёкий Алтай. С 1942 по 1945 год в селе Белокуриха жили дети, эвакуированные из Всесоюзного пионерского лагеря «Артек». Среди них был и Владимир Лакшин - будущий писатель, автор настоящей книги.

Шесть человек в одной больничной палате — это маленькая модель мира со всеми его страстями: отчаяньем и надеждами, горем и радостью.

ПЫЖИКОВА Т.М. Напряжение / Предисловие К. Ковальджи. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 103 с. – (Наедине с самим собой).

Эта небольшая книга рассказывает о Людмиле Георгиевне Киселевой - инвалиде с детства (диагноз — прогрессирующая мышечная дистрофия). Действующие части тела на сегодняшний день — кисть правой руки. Это не мешает ей создавать изумительные, полные нежности и любви к окружающему миру и людям, графические работы. И помогать тем, кто в этом нуждается.

Людмила Георгиевна - член Союза художников РФ, член Союза журналистов РФ, почетный гражданин г. Боровска, директор филиала «Дома адаптации детей-сирот и инвалидов»: под ее опекой находятся четыре детских дома Калужской области.

**2. Книги, статьи, публикации
о роли и месте в мире
маленького и взрослого человека с инвалидностью,
тяжелой болезнью и особыми потребностями,
написанные самими этими людьми,
их родителями, педагогами, философами,
различными специалистами**

Книги для взрослых -- молодых и не очень

БАТЛЕР Д. Кушла и её книги. – ОГИ, 2003

Эта книга – хроника первых лет жизни девочки, описанная бабушкой. Рожденная с целым набором генетических дефектов, Кушла обречена на физическую и умственную отсталость. Родители проигнорировали приговор и сумели создать дочке все условия для развития. Постоянным общением и непрерывной заботой они "вытянули" девочку в мир, обеспечили ей максимальный контакт с окружающим миром и стали посредниками в отношениях с действительностью. Самое удивительное в том, что родители приохотили её к чтению. Книги стали той прочной нитью, которая связывала девочку с ними и с миром. Результат поразил и обрадовал всех: Кушла догнала и отчасти перегнала сверстников в интеллектуальном развитии. Невозможно переоценить значение этой книги. Подробно описан уникальный "эксперимент" по развитию и воспитанию ребенка. Рассказ сопровождается научными комментариями, цитатами из работ ведущих психологов, ссылками на труды известных врачей и других специалистов. Поэтому использование данного опыта возможно и оправданно.

БОРИСОВ А. Кандидат на выбраковку: Воспоминания / Антон Борисов. – М.: Третья смена, 2008. – 336 с.: ил.

Сайт Антона Борисова:

<http://www.borissov.net/ru/index.php>

«Мама, я хочу выразить свою глубокую признательность тебе, отцу, сестренке, бабушкам и дедушке. Я помню о вас и никогда не смогу забыть. Вот только минувшее, подчас, отдает невыразимой горечью и фантомной болью в ночи, поэтому, мои оценки ваших действий и поступков иногда будут резки, воспоминания тяжелы, но так я тогда воспринимал происходящее с нами всеми. Я благодарю и благословляю вас за терпение, честно выполненный родительский и родственный долг. Ведь вы могли бы просто отказаться от меня, бросить, сдать в приют, и вряд ли бы мне удалось повидать мир, узнать, что такое дружба, пообщаться с тысячами прекрасных людей и непосредственно, и через интернет, стать микроскопической частичкой цивилизации, написать эти строки. Болезнь, неумолимая и неизлечимая, разлучила нас. Вы боролись с моим недугом, и одновременно со своим отчаянием, бытовыми и личными проблемами, государством. Боролись, пока

у вас хватало сил. Вы люди и возможности ваши не беспредельны. Мне было неизвестно, что творилось в ваших душах, как корежился ваш внутренний мир, поэтому я заранее прошу прощения, если по неведению буду категоричен или несправедлив в оценках. Я глубоко убежден в одном – стыдиться вам нечего. Да благословит вас всех Господь!»

С обложки книги А. Борисова:

Ярослава Танькова, специальный корреспондент газеты "Комсомольская правда":

Эту книгу стоило бы продавать в аптеке, наряду с антидепрессантами. И не только потому, что свои повседневные проблемы меркнут на фоне исковерканной жизни российского инвалида. А еще потому, что меж страниц сердцем бьется мысль - что бы не случилось, не сдавайся! В нескольких местах сломана правая рука - учишься писать левой. Весь мир - из положения лежа - ползи. Адская боль от ежесекундных переломов - терпи. Отец стыдится тебя, маленькая сестра бьет - прощай! Родная мама желает тебе смерти - все равно люби! Какая же должна быть сила духа, воли и любви в сердце, чтобы на протяжении всей жизни, описанной в этом горько-откровенном дневнике, чтобы не сломаться? Ему бы сильное тело, и он бы двигал горы, крутил земной шар! И проникшись этой идеей, ты не замечаешь, как сам начинаешь крутить его...

Чулпан Хаматова, актриса, учредитель благотворительного фонда "Подари жизнь":

«Книга Антона Борисова нужна людям, которым повезло сохранить свое здоровье и которых судьба защитила от житейских невзгод. Нужна, чтобы они научились адекватно оценивать всю хрупкость нашей жизни, обрели милосердие и обратили внимание на тех, кто нуждается в их помощи и поддержке. Эта книга нужна и тем, кому не повезло, кто ежедневно ждет спасительную инъекцию, кто чувствует себя брошенным и забытым. Нужна, чтобы каждый прикованный к больничной кушетке понял - нельзя терять веру в себя, даже услышав самые жуткие прогнозы врачей. А еще книга Антона - это страшный документ той эпохи, в которой мы жили и еще, к сожалению, живем. И я очень надеюсь, что нам посчастливится дожить до тех дней, когда у каждого человека, невзирая на диагнозы, появится шанс жить. *Ведь - "если живешь, надо просто жить"*».

ВАНЬЕ Ж. Найти мир. – М.: Гендальф, 2005

<http://www.vera-i-svet.ru/jeanvanier.html>

<http://www.vera-i-svet.ru/Library.html>

<http://www.prison.org/personal/vane.htm>

Когда-то известный канадский педагог Жан Ванье был офицером военно-морского флота, служил на авианосце. Но поняв, что нельзя жить ради войны и все время к ней готовиться, он оставил флот, стал изучать философию. Получив докторскую степень, преподавал философию в университете Торонто. В те же годы Жан Ванье познакомился со священником отцом Тома Филиппом, изменившим его жизненный путь.

Из рассказа Жана Ванье: "Раньше я жил в мире победителей: по-своему преуспевал в морском флоте, потом в философии. А потом мне начал открываться мир проигравших. Я стал ходить по больницам и интернатам. По тюрьмам. Видел боль других людей. И понял, что каждому нужны признание и любовь к нам - таким, какие мы есть. И если любви нет, то как быстро и легко почувствовать себя никому не нужным изгоем и обозлиться на весь мир.

Посмотрим же на страдания, тоску и страх маленького ребенка. Того ребенка, которым мы все были когда-то. Вспомним, что он чувствует, когда становится одиноким. Ребенок ничего не может сделать, он может только кричать о защите или отказываться от общения и еды. А если рядом нет мамы, которая поможет и поддержит его, то откуда же узнать ему, что такое тепло прикосновения, нежность и защищенность, данные ему в раннем детстве, и потом поддерживающие человека всю жизнь.

Чтобы жить, человеку нужны защита и любовь..."

Из книги Жана Ванье "Быть рядом...":

Сейчас мне кажется, что опыт, пережитый мной, полностью изменил меня. Я говорю об опыте общения, встреч и жизни со взрослыми и детьми, которые были очень сильно ранены. Я по-настоящему открыл для себя то, что составляет сердцевину человеческих страданий, - отверженность, чувство совершенного одиночества в этом мире.

Заходишь в детское отделение какой-нибудь больницы и видишь маленьких детей, которые больше не кричат. Они находятся в таком состоянии, что все держат в себе. Они знают, что им никто не ответит на их крик. Молчать им кажется безопаснее, чем кричать и не получать ответа. Любая закрытая больница, любое закрытое учреждение, где содержатся люди - ужасны. Я видел там чудовищно одиноких людей. Отверженных. Думающих, что они никому не нужны...

Каждый из нас где-то внутри чувствует себя одиноким и отверженным. Независимо от того, женаты ли мы, замужем ли, мы все равно чувствуем свою неполноту. Такова природа человека. Однако у всех нас есть и невероятная потребность в любви, в том, чтобы любить и быть любимыми. И эта потребность - основа жизни человека, его спасение....

ВАНЬЕ Ж. Депрессия. М.: Актерский Мир, 1996.

С сайта российских общин «Вера и Свет»

<http://www.vera-i-svet.ru/Library.html>

Депрессия - что это: болезнь или раненое сердце? Человеческое сердце - хрупкое и ранимое. Когда нас любят, когда нас окружают люди, которые видят нашу красоту, неординарность, ум - жизнь бьет ключом. Полные энергии и радости, мы чувствуем, что живем на самом деле, по-настоящему. Но когда мы не привлекательны для других, когда нам кажется, что никто нами не интересуется, мы чувствуем себя ни к чему не пригодными, бесплодными, отвергнутыми, покинутыми - и это ранит наши сердца.словно внутренняя боль грызет нас, словно какая-то тяжесть давит на сердце, рана, беспокойство, ни капли мира, ни капли радости. Нет ничего, кроме пустоты, огромной пустоты. И мы пытаемся заполнить ее музыкой, телевидением, разговорами с приятелями и подругами, или находим множество дел, чтобы забыться в них. Мы уже не можем оставаться одни или тонем в непонятной апатии, и нас захватывает ужасная тоска. Да, человеческое сердце так легко ранить. Когда мы любим, когда чувствуем, что нас любят - все легко, но как тяжело, когда никто не придает нам значения.

ВАНЬЕ Ж. Жизнь в общине. М.: Вера и Свет, 1994

Со страницы Свято-Филаретовского института «Свет Христов просвещает всех»

http://www.sfi.ru/ar.asp?rubr_id=683&art_id=3302

ГАЛЬЕГО Р. Белое на черном: Роман / Рубен Давид Гонсалес Гальего. – М.: Лимбус Пресс, 2005 – 220 с. – (Лауреат премии "Букер - открытая Россия").

Текст книги в сетевой библиотеке «Альдебаран»

http://lib.aldebaran.ru/author/galego_ruben/galego_ruben_chernym_po_belomu

Живя в Мадриде, Рубен Давид Гонсалес Гальего пишет по-русски. И не только и не столько потому, что, внук видного испанского коммуниста, он провел детство в Советском Союзе. По его мнению, только «великий и могучий» может адекватно передать то, что творилось в детских домах для инвалидов СССР. Описанию этого ужаса и посвящен его блистательный литературный дебют – автобиографический роман в рассказах «Белое на черном», ставший сенсацией уже в журнальной публикации.

Издатели завидуют тем, кто прочтет это впервые. Во-первых, книга очень веселая: автор как никто умеет находить смешное в страшном. Во-вторых, он сумел конвертировать личный опыт в подлинное искусство, если. Конечно, считать искусством то, что помогает жить.

Статья Галины Рыженковой на сервере Проза.Ру

<http://www.proza.ru/texts/2004/02/14-49.html>

Когда читаешь "Белое на черном", возникает ощущение, что вместе с героями рассказов карабкаешься по отвесной, гладкой, высокой скале... Это книга о реальных событиях, о выживании ребенка, человека и человечности в условиях советских детдомов, домов престарелых и домов инвалидов - о жизни людей, которых уже с самого их рождения причислили к "неприкасаемым", к "дебилам" (по формуле: "нет ног - ты дебил"), к "беспольным"; к разряду тех, на кого смотрят либо с жалостью, либо с отвращением; к тем, кто считается бесполезным и ненужным существом, куском неполноценной плоти, на которую тратятся средства достойных, работоспособных, здоровых граждан.

Книга страшная и оптимистическая одновременно; местами присутствуют "черный юмор" и самоирония; поражают совершенное спокойствие, беспристрастность и беспардонность автора, особенно в описаниях моментов, которые мало кого смогут оставить равнодушным. Хладнокровие, с которым рассказывается обо всех подробностях условий существования в казенных учреждениях детей-инвалидов - безногих, безруких, парализованных, уродов - вызывают и ужас, и уважение... но не сентиментальные чувства. Несмотря ни на что, книга не оставляет ощущения безнадежности, напротив: кажется, что каждая ее страница наполнена жизнелюбием и силой, гордой силой, которая почти не позволяет сочувствовать героям. Всё просто - это жизнь, такая она была, другой они не знали.

Человек остается человечным в любой ситуации, он не отчаивается даже тогда, когда слышит о себе такие слова (Гальего переводят из детдома в дом престарелых; диалог директора детдома и начальника дома престарелых):

- А может, все-таки возьмешь? Ну очень надо.
- И не проси. Ты пойми меня правильно. Вот ему сейчас шестнадцать лет. Так?
- Пятнадцать, - машинально поправляю я (сам Гальего, - прим. Г.Р).
- Пятнадцать, - соглашается мужчина. - Умрет он у меня через месяц, максимум два. Хоронить я имею право только лиц не моложе восемнадцати. Это же дом престарелых, ты понимаешь? Где я буду держать его эти два года? А холодильники все сломаны. Сломаны, понимаешь? И вспомни,

вспомни, что ты мне ответил год назад, когда я просил тебя помочь мне с холодильниками. Вспомнил? И не проси. Вези его, вон, в дурдом, в интернат для умственно-отсталых – они там имеют право хоронить хоть младенцев".

Человек живет вопреки жизни и безысходности, вопреки своей искалеченной плоти. Человек думает. Человек изобретает. Человек учится радоваться и мечтать, прощать и любить. Пусть несколько пошло и банально прозвучит фраза "сила духа", но именно о ней книга Гонсалеса Гальего - о Силе Духа, побеждающей немощь, злобу, ненависть и равнодушие.

ГАЛЬЕГО Р. Я сижу на берегу... / – Рубен Давид Гонсалес Гальего. - М.: Лимбус Пресс, 2005. - 356 с.

Статья Михаила Визеля из сетевого журнала «Time Out»

http://www.timeout.ru/text/book/1788?_openstat=ZGlyZWN0LnlnbmlRlcC5ydTs2MzQwNDU7MTcwMDM5Mjt5YW5kZXguenU6Z3VhcmFudGVI

Говоря о Рубене Гальего (так обычно сокращают испано-венесуэльское имя букеровского лауреата 2003 года), можно вспомнить Николая Островского, а можно - поэта пушкинского времени Ивана Козлова, памятного нам по Вечернему звону. 170 лет назад Николай Полевой обрушивался на критиков, начинавших разбор стихотворений Козлова со слов о несчастной участи ослепшего и обезножевшего сочинителя: Не знаю, что чувствовал поэт, слыша о себе такие отзывы, но, скажу чистосердечно, я не мог без досады читать подобных суждений о поэте, который в самих произведениях своих являет истинное дарование и не горестным состоянием тела, но поэтическим умом и чувством привлекает к себе внимание всех любителей изящного.

В случае с Гальего от горестного состояния тела отвлечься еще сложнее. Ведь он снова, как и в Белом на черном, пишет о том наглухо закрытом для посторонних страшном мире учреждений для инвалидов с рождения, где прошли его детство и юность. Да и само название его второй книги - это начало детского стишка:

Я сижу на берегу,
Не могу поднять ногу.
Не ногу, а ногу.
Все равно не могу.

Шуточный стишок о невозможности примирить нормы грамматики с правдой жизни по-особому звучит в устах Гальего, с рождения страдающего детским церебральным параличом. Но при этом сам он подчеркивает: "Автор категорически возражает против того, чтобы актеры имели явно выраженные физические недостатки... Никаких инвалидных колясок, костылей или протезов. Актеры должны быть здоровы хотя бы настолько, чтобы бить чечетку."

Актеры - потому что Я сижу на берегу - это пьеса в трех актах, действие ее происходит в некоем дурдоме. Первый акт - вполне реалистический: диалоги порядочного, но пьющего главврача с вороватой, постукивающей на него сестрой-хозяйкой. Последний акт написан в абсурдистской, метафорической манере и состоит из разговоров всех героев о смысле жизни и ее достойном завершении. Но второй, центральный акт этой пьесы - собственно, никакая не пьеса, а цикл коротких, лапидарно написанных рассказов, в которых Рубен (главный герой книги) вспоминает своего старшего товарища Мишу. Они познакомились и дружились в интернате, а затем жили вместе в доме инвалидов. Жили недолго - до самой Мишиной смерти, выбранной им добровольно.

Естественный отбор в советских учреждениях для инвалидов жесток и стремителен. Выживают самые сильные - умом и духом, способные мгновенно просчитать на пять шагов вперед реакцию собеседника (от которого ты полностью зависишь), с одного раза запомнить всю рубашку карточной колоды и играть в шахматы вслепую на шести досках одновременно.

Миша и Рубен - как раз из таких, самых сильных, но они сразу распределили роли: первый - умный, второй - дурак. По сути, между ними происходит диалог учителя и ученика. Миша старше Рубена всего на несколько лет, зато его инвалидность тяжелее: он страдает миопатией (прогрессирующей мышечной дистрофией). К 20 годам его тело полностью парализовано, и жизнь превращается в бесконечный сеанс одновременной шахматной игры вслепую.

- Всех можно посчитать. Дни выдачи зарплаты, дни рождения, дни рождения родственников, посевная, уборочная. Настроение нянечки можно определить как математическую формулу. Та нянечка, которая сейчас прошла, могла бы дать мне утку, но я недавно сходил в туалет.

- Получается, для того чтобы тебе дали утку, ты должен держать в голове небольшую математическую таблицу.

Последним ходом этой шахматной партии для Миши стало тщательно подготовленное и спланированное самоубийство (очень непростая задача для человека, с большим трудом способного донести ложку до рта). Рубен восхищается своим старшим товарищем, но отказывается поумнеть и последовать его примеру. Он предпочитает жить. Это осмысленный и мужественный выбор.

ГРЭНДИН Т., СКАРИАНО М. Отворяя двери надежды. Мой опыт преодоления аутизма.
- М.: Центр лечебной педагогики, 1999. То же, Теревинф, 2004.

Эта книга – перевод уникальных воспоминаний Темпл Грэндин — женщины, сумевшей преодолеть аутизм и реализовать свой творческий и общественный потенциал.

Книга выложена на сайте «Аутизм»:

<http://www.autism.ru/read.asp?id=15&vol=1>

"Школа «Горная страна» в Вермонте приглашает выпускников на вечер воспоминаний". Я откладываю приглашение в сторону и наливаю себе новую чашку чая. Далекое прошлое встает у меня перед глазами...

Добрая старая "Горная страна"... Милый мистер Питерз, ее основатель... Не по ошибке ли он прислал мне приглашение? Выходит, в школе еще помнят "эту ненормальную", "зацикленную надоеду", "чокнутую, которая колотит людей по головам"?

Да и как они могли забыть! Я ведь в самом деле была "ненормальной". До трех с половиной лет я не разговаривала и общалась с внешним миром с помощью крика, визга и мычания: у меня был ясно выраженный аутизм. Данным термином в 1943 году клиницист Каннер обозначил определенный набор симптомов. Несколько лет спустя мне был поставлен именно этот диагноз.

За прошедшие годы я немало прочитала об аутизме и узнала, в частности, что многие родители, а также врачи и учителя до сих пор считают аутизм неисправимым нарушением. Такое мнение обрекает многих детей, получивших этот диагноз в первые годы жизни, на жалкое и безрадостное существование. Придерживающиеся этого мнения не понимают, что аутистические проявления можно контролировать и даже устранять. Я — живое доказательство того, что так оно и есть. В особенности верно это для аутичных детей, достигших значительного развития речи в возрасте до пяти лет.

Сейчас мне почти сорок. Я работаю в редкой области: проектирую оборудование для ухода за скотом на фермах, и работаю успешно. Я объездила весь мир, выполняя заказы различных фирм, а также выступая как консультант. Я регулярно публикую статьи в специальных изданиях и выступаю на профессиональных конференциях по всей стране. В настоящее время я работаю над докторской диссертацией по зоологии. Живу нормальной, самостоятельной жизнью, без особых денежных проблем.

Возможно ли, чтобы ребенок, которому врачи прочили жизнь в четырех стенах специального заведения, так посрамил специалистов? Может ли человек с ярлыком "аутизм" вырваться в реальный мир?

ДИЛИГЕНСКИЙ Н. Слово сквозь безмолвие. – М.: Центр лечебной педагогики, 2000.

Книга выложена в сетевой «Библиотеке Якова Кротова»

http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/dil/igensk.htm

Книга представляет собой рассказ автора — молодого человека с аутизмом, не владеющего речью в общепринятом понимании, — о своей жизни, проблемах общения и обучения, взаимоотношениях с окружающими и т. д. Повествование ведется в форме интервью, взятого О. С. Никольской — известным специалистом по аутизму, докт. психол. наук, зав. сектором Института коррекционной педагогики Российской Академии образования. При интервьюировании в качестве посредника выступал отец Н. Дилигенского, через которого автор общается с другими людьми описанным в книге способом.

Из предисловия:

Необходимо сразу предупредить читателей, что предлагаемые записки не несут информации, связанной с какими-то особыми профессиональными интересами, — это не научное описание психического феномена или клинического случая. Как мне кажется, ценность этих записок общечеловеческая — они отражают уникальный жизненный опыт их автора, стремление понять себя, попытку пробиться из вынужденной изоляции к людям, надежду, что понимание поможет не только ему самому, но и другим в подобной ситуации.

А также книга есть на сайте «Аутизм»

<http://www.autism.ru/read.asp?id=110&vol=5>

Важные для меня книги

20 ноября 1997 года

О. С. задает вопрос о книгах, которые он читал или ему читали. Значил ли для него что-то тот мир сказок и волшебных историй, в котором живут маленькие дети?

Н. Д.: Я прошел через мир сказок и волшебных историй еще в раннем детстве, когда мне мои родители и баба Наташа много рассказывали разных историй и читали Пушкина. Одно из первых моих впечатлений этого рода связано с "Песней о вещем Олеге". Я даже, когда начинал говорить, я ее читал сам вслух наизусть. "Радуга-дуга" была моя любимая книга, картинки там были ужасно смешные и интересные. Никогда я эту книгу не вижу, думаю, что она не сохранилась, может быть, ее какому-нибудь ребенку подарили, вообще мои вещи часто переходили к младшим детям из знакомых и родственных семей. Книги много внесли в мою жизнь и дали мне возможность узнать, что переживают и как свои переживания ощущают люди, у которых жизнь сложилась нормально.

О. С.: А какую первую книгу ты прочел сам?

Н. Д.: Ну, моими первыми книгами были, наверное, книги учебные. Что же касается художественной литературы, то я не помню точно, какую книгу я прочел самой первой.

Отец напоминает, что первой книгой были "Морские рассказы" Б. Житкова.

Н. Д.: Да, действительно, я сейчас вспоминаю, что это были "Морские рассказы" Житкова, которые я читал, когда мы с родителями поехали к Черному морю. Эти рассказы на меня произвели очень сильное впечатление, так как в них описывались очень интересные, яркие люди, в очень необычной и яркой обстановке кораблей, морских путешествий, приключений на море и на суше. Я понял, после того, как прочел эти рассказы, что мир очень велик, очень разнообразен, что в нем очень много того, о чем я никакого представления не имею. И я именно тогда начал мечтать о путешествиях в такие места, которые не были бы похожи на Подмоскovie или даже на Крым и Казахстан, и Пицунду, куда я стал ездить позже.

КЕЛЛЕР Е. История моей жизни / Елена Келлер; Пер. с англ. Е.Левиной – М.: Захаров, 2003. – 272 с.

Американка Елена Адамс Келлер (1880-1968) родилась нормальным здоровым ребенком в городке Таскамбия, штат Алабама, в прекрасной старинной семье. В возрасте 19 месяцев после острого воспаления мозга и желудка Елена лишилась зрения и слуха, что для такого маленького ребенка означало и немоту. Однако через много лет после этого Марк Твен имел основания сказать: в XIX веке было два по-настоящему великих человека - Наполеон и Елена Келлер.

Из материалов сайта Российского молодежного Академического театра (РАМТа)

<http://www.ramt.ru/plays/?content=item&item=196>

В основу пьесы Уильяма Гибсона легла одна из книг, написанных Еленой Келлер, которая в 1904 году закончила Гарвард, стала лингвистом, писателем, педагогом, математиком. Марк Твен называл ее великим человеком, а она говорила: «Я прочла по губам Марка Твена несколько прекрасных его рассказов. Я чувствую прищуривание его глаз в пожатии его руки». Елена Келлер любила жизнь и знала истинную цену самым обычным ее проявлениям. Она научилась говорить, читать, ездить на велосипеде и верхом, плавать и грести. Но спектакль – не документальный рассказ. Это скорее история о пробуждении чувств. История о том, что любовь не тождественна жалости и вседозволенности. Она всегда есть требование большего и вера. Вера в возможности Человека.

Об этой же пьесе и Елене Келлер на сайте журнала «Человек без границ»

http://www.manwb.ru/articles/arte/theater/keller_mystery/

КИЛЛИЛИ М. Детский церебральный паралич: История о том, как родительская любовь победила тяжелую болезнь: Повесть / Пер. с англ. И. Сендерихиной. –СПб.: Питер КОМ, 1998. –288 с.

Эта книга написана матерью, чья дочь от рождения была поражена детским церебральным параличом. Рассказ о борьбе за здоровье адресован широкому кругу читателей, а тот, кто сам столкнулся с подобными проблемами, найдет здесь ясную и убедительную программу действий. Главное - любовь, участие и уверенность в окончательной победе над болезнью.

Размышления читательницы на сайте клуба «Родим и вырастим»
<http://www.rodim.ru/conference/index.php?showtopic=27892&st=60>

Прочитала эту книгу и который день под впечатлением: насколько всё же похожа жизнь семьи с "особым ребёнком" в 40-50 годы прошлого века в Америке и жизнь такой семьи в России, но только спустя столетия. В чём-то очень одинаково, а кое-что - совсем иначе. Судите сами (цитаты будут в кавычках:)

Родители маленькой Карен узнали о диагнозе: "Джон...заговорил, еще медленнее, чем раньше. — Мне говорили, что сделать в таком случае ничего нельзя. — Но что это значит? — я почти кричала. Джон повернулся к нам. — Мне говорили, — казалось, эти слова требуют от него физических усилий, — что ребенок, больной церебральным параличом, никогда не будет сидеть, ходить, что-то делать руками... Конечно, это было много лет назад, — продолжал Джон, — может быть, с тех пор наука ушла вперед. — Что нам делать? — Джимми с трудом произносил слова, губы у него пересохли. — Я бы посоветовал обратиться к специалисту. — К кому? — Не знаю, — тихо сказал он, — но постараюсь узнать...

На следующий день позвонил Джон и дал нам адрес специалиста в Нью-Йорке. Он договорился, что нас примут в конце недели. Джимми взял на пятницу выходной, и мы поехали в город. Врач... начал с того, что выслушал полностью историю моих предыдущих беременностей и выспросил все подробности беременности с Карен, ее рождения и последующих трудностей развития...

Ну что? — это был почти шепот. Врач не смотрел на нас, он сидел, постукивая молоточком по ладони. — Я согласен с мнением доктора Грэнди. Однако... (Дуновение надежды, легкое, как летний ветерок, шевельнулось в моей душе.) — Однако я должен вам кое-что сказать, — поспешно добавил он. — Я не верю, что у детей, больных церебральным параличом, может быть какой-то интеллект."

Родители не верили, что Карен - умственно отсталая. "у нас имелись доказательства, что Карен вовсе не была умственно отсталой. ...нас беспокоила перспектива интеллектуального развития Карен. Мы считали, что и умственно отсталый ребенок должен найти свое место в обществе, что он должен получить все образование, какое только возможно."

И начинают поиски врача. "...Мы будем искать и непременно найдем". Отношение подавляющего большинства медиков точно такое же, как и сейчас в России: "Доктор А. с минуту смотрел на Карен, потом наклонился и провел указательным пальцем ей по животу справа и слева к середине. Он вытянул руку и в ней тут же оказался маленький резиновый молоточек. Тут он впервые повернулся ко мне и произнес: — Мамаша...буду с вами откровенен, вашему ребенку ничем нельзя помочь. Я взглянула на Джимми. Сцепив руки, он не сводил глаз с врача. У меня было большое желание схватить доктора А. за руки и просить, умолять, чтобы он сказал хоть одно обнадеживающее слово. Вместо этого я сказала: — Доктор, вы ведь можете нам что-то предложить? — Могу, — ответил он. — Я предлагаю вам получить страховой полис на большую сумму, чтобы она всегда была обеспечена. Потом отвезите вашего ребенка в специальное учреждение, оставьте там и забудьте, что она у вас когда-то была".

"Пока доктор занимался Карен, Джимми коротко рассказал ему о наших поисках. — Мы надеемся, что вы сможете нам помочь, — заключил он. Доктор не ответил и продолжил осмотр. Закончив, он подозвал медсестру, попросил ее одеть ребенка и предложил нам пройти к нему в кабинет. Я боялась поверить переполнявшей мое сердце надежде. Мы сели. — Миссис Киллили, — начал врач, — вам сказали, что я могу разрешить вашу проблему? — Да, нам многие это говорили, — подтвердила я. Он повернулся и посмотрел на меня. — Такие проблемы умеют решать в Китае... —

Скажите, что делают в Китае, и мы сделаем это, — Джимми вскочил, пересек комнату и встал перед доктором. Тот снял очки и аккуратно положил их рядом с собой на письменный стол. — В Китае, — продолжал он, — таких детей относят на вершину горы и оставляют там."

А отношение общества к таким семьям, к таким детям? Родители и Карен поехали к врачу, далеко от дома. Решили остановиться в пансионе. "...Мы хотим показать ее доктору С, может быть, он сумеет ей помочь. Женщина (хозяйка пансиона) слушала меня со странным выражением лица и вдруг, побагровев от злости, вскочила: — Убирайтесь из моего дома! — закричала она. — Только у гадких, грязных людей бывают такие дети..." "администрация гостиницы сообщила, что в дальнейшем предпочитает больше не иметь дела с пациентами доктора Б., поскольку их вид смущает других постояльцев."

Мы тоже сталкиваемся с подобным отношением: (Например, когда искали в Подмосковье пансионат, чтобы вывезти наших детей на осенние каникулы). "И все же в течение всех этих лет сочувствие и понимание окружающих были скорее правилом, чем исключением. За последние десять с лишним лет мы твердо усвоили, что в мире больше доброты, чем жестокости. Мы поняли, что большая часть жестоких поступков — результат предрассудков, возникших от невежества, от незнания фактов.

...Карен с успехом начала путешествовать ползком. Теперь за несколько часов усердной работы она могла перебраться в соседний двор. Мы решили, что, несмотря на лужи и колючие кусты барбариса, грязь и царапины, это настоящий Прогресс, и такие действия надо не только разрешать, но и всячески поощрять. Однажды ясным солнечным днем я готовила обед, радостно размышляя, что моя дочь уже почти добралась до дома наших соседей. Элен Туми время от времени звонила и докладывала о достигнутых успехах. Последний звонок сообщил, что Карен на подступах к большой луже. Я чистила картошку, когда раздался громкий стук в дверь. На пороге стоял человек в знакомой униформе фирмы, доставляющей на дом кондитерские изделия. ...Человек просто кипел от возмущения. — Миссис Туми говорит, что это ваш ребенок ползает там, в грязной луже. Он уже кричал. — И еще она говорит, что вы не хотите, чтобы ее оттуда достали, чтобы ее отнесли домой. Я только открыла рот, но не успела произнести ни слова. Он шагнул ко мне, размахивая Старомодным Домашним Пирогом Бабушки Баррет. — У меня своих четверо детей. Я обслуживаю здесь всю округу, но, позвольте вам сказать, никогда не видел ничего подобного. Таким, как вы, вообще нельзя разрешать иметь детей! Он кричал все громче и громче и закончил истошным воплем. Я отчаянно старалась прийти в себя после этой неожиданной и свирепой атаки. Переход от состояния счастливой гордости к объяснениям по поводу моей, казалось бы, очевидной, жестокости, был слишком резким. Я уронила нож, которым чистила овощи, схватила остолбеневшего рассыльного за рукав и потащила его на кухню. — Я вам сейчас все объясню! — закричала я. Он прислонился к холодильнику и стоял, как живое воплощение праведного гнева. — Видите ли, мой ребенок болен ДЦП. Он посмотрел на меня с недоумением и подозрением. — Сейчас вы все поймете, — продолжала я. — Это значит... Так началась моя первая публичная лекция и первый опыт изучения реакции слушателей. Как поверхность озера меняется под порывами ветра, так во время моего рассказа менялось выражение его лица. — И вы тоже можете помочь, — повинувшись какому-то наитию закончила я. — В конце концов, вы бываете здесь каждый день и будете часто видеть ее. Разговариваете и ведите себя естественно, как с любым другим ребенком. Он так долго и усиленно извинялся, что мне даже стало неловко. С извиняющейся улыбкой он пытался к дверям, оставив на столе Старомодный Домашний Пирог Бабушки Баррет. Назавтра весь день лил дождь, и лужа во дворе Туми стала еще больше. На следующий день я одела Карен в водонепроницаемый комбинезон (качество гарантируется, иначе фирма возвращает деньги) и оставила ее на заднем дворе. Она тут же направилась к соседней луже,